

НЕФОРМАЛКА
ПРОТИВ БОССА.
ПОЛЕ БИТВЫ –
ЛЮБОВЬ!

18+

ЛЮБОВЬ

АШИРА ХААН

БЕЗ ДРЕСС-КОДА

Ашира Хаан
Любовь без дресс-кода
Серия «Вкус любви. Острое желание»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64347707
Любовь без дресс-кода / Ашира Хаан: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-113381-8

Аннотация

«О нет, я в постели со своим начальником! Служебный роман – это так горячо и сладко... Захватывает дух, и по телу разбегаются мурашки».

«Это был невероятно яркий день. Невероятно яркая ночь. Ну как теперь от него уходить? А надо».

«После медового месяца всегда следует полынный. И то, что растекалось сладостью в сердце, вдруг становится горечью на губах».

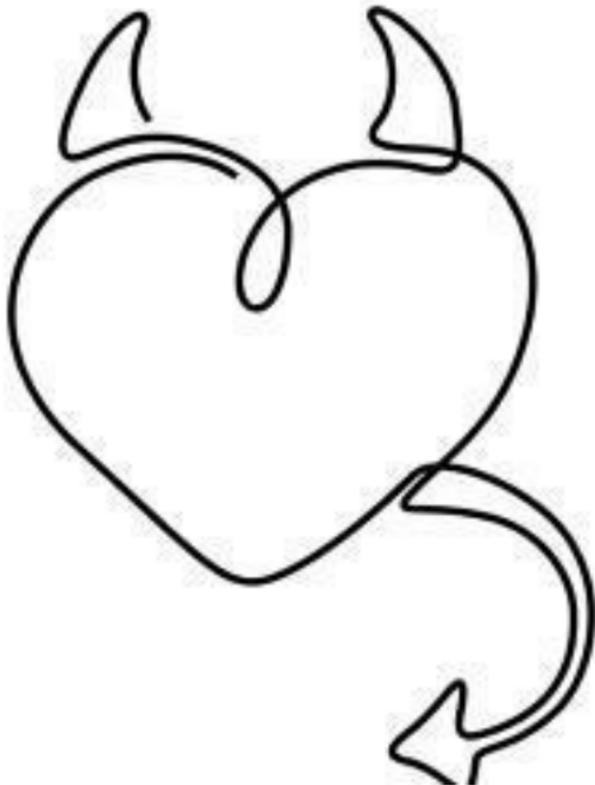
Он большой босс, она обычная служащая, их обжигающе-страстный роман как сказка про Золушку. Их безумная любовь нарушает запреты и ставит все с ног на голову.

Содержание

Кофе	5
Звездное небо	10
Приглашение	15
Ресторан	21
Свидание	26
В лифте	33
Приличные разговоры	38
Неприличные разговоры	43
Собеседование	48
Работа	54
Три ведьмы	60
Проверка	65
Кофейный кредит	70
Яркая птица	76
Герард	82
Бомба	89
Бенефис	96
Корпоратив выживших	100
Инстаграм	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ашира Хаан

Любовь без дресс-кода

© Ашира Хаан, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Кофе

У меня сегодня на редкость паршивый день. Минус двести по шкале от нуля до десяти. Мой кофе давно остыл, магазины в этом ТЦ уже опустили свои железные занавесы, а ехать домой я катастрофически не хочу.

Пока я не вернулась – день не закончился. А значит, есть надежда, что он окажется не таким уж паршивым. Может быть, я найду на дороге кошелек с миллионом мелкими купюрами. Или встречу Криса Хеймсворта, которому как раз не с кем сходить в ресторан. Или вдруг позвонят из ООН и пригласят работать в штаб-квартиру в Брюсселе. Или где у них там штаб-квартира?

Но пока я сижу в маленькой кофейне на первом этаже башни «Федерация» в Москва-Сити, и у меня паршивый день.

Очень себя жалко. И ужасно обидно.

И поэтому совершенно наплевать, что там кто-то ругается у стойки. Пусть хоть поубивают друг друга, хоть развлекусь.

– Ты знаешь, что это федеральный закон? Ты вообще знаешь, что такое федеральный закон, или ты кофе продаешь, потому что тебя из пятого класса за тупость выгнали?!

Ну вот я знаю, что такое федеральный закон, а счастья нету. Впрочем, мужика, который орет на девочку-баристу, это знание тоже не сделало добрее. Тогда какой в нем смысл?

– Я просто хочу свой кофе! Я просто хочу заплатить за этот гребучий кофе! В чем проблема вообще?!

Действительно, в чем проблема? Кофе тут есть, я проверяла. Причем за деньги, это я тоже проверяла. Нет никакой нужды так орать. Дал денег, взял кофе. В чем у них там беда-то?

Я вздохнула, поняв, что мне уже почему-то не наплевать, я уже снова несусь на помощь, как маленький Бэтмен или даже Супермен. Нет, лучше Супервумен. Еще не решила, кого буду спасать, но пока симпатии на стороне баристы. Нефиг орать на беспомощных девочек и еще тыкать им без разрешения.

Мы с моим остывшим кофе выползаем из того угла, где сидели последний час, и идем разбираться. Судя по тому, какими большими становятся у баристы глаза, она обо мне начисто забыла. Может быть, даже в носу ковыряла, пока думала, что тут никого нет. Ладно, шутки в сторону, девочка реально чуть не плачет.

– Нет связи, терминал не работает, – бормочет она, глядя снизу вверх на нависающего над ней мужчину в ослепительно-черном костюме. Мне казалось, это моветон – ходить в офис, как на похороны.

Хотя что я знаю о здешних нравах? Мне сегодня прямым текстом сказали, что и не узнаю никогда. Мордой не вышла. Точнее, не совсем мордой.

– Но вы обязаны!

– Может быть, у вас есть наличные... – И слезки кап-кап.

Божечки-кошечки, ну что за вселенская трагедия?.. При чем я вижу, что кофе она уже сделала, держит его в лапках, но, видимо, даже не имеет права подарить за счет заведения, а то бы давно разрешила конфликт.

– Двадцать первый, мать его, век! Две тысячи девятнадцатый год! Современный мегаполис! Самое распонтованное место во всем современном мегаполисе! Наличные, говорит она!

Сколько пафоса. Я выгребая из карманов сдачу от своего кофе. Самый дорогой тут стоит двести с хвостиком рублей, значит, трехсот должно хватить. Подхожу к стойке, причем мужик в похоронном костюме меня даже не замечает, и хлопаю купюрами об стол:

– За мой счет!

И вот тут он ко мне разворачивается.

Оу.

Оу.

Оу.

Нет, я бы предпочла работу в ООН или миллион мелкими купюрами, но вот Крис Хеймсворт явно опоздал.

Я прямо столбенею, как этот хам красив.

У него очень черные выющиеся волосы, очень светлые серые глаза, и даже сейчас, когда он отвратительно, мерзко и недостойно орет на бедную баристу, кривя очень красивые чувственные губы, я вижу, что они могут сложиться в со-

блазнительную улыбку, против которой вряд ли кто-то может устоять.

Я вспоминаю, как школьная подруга Юлька говорила, что светлые волосы при темных глазах и наоборот – признак породы. Какой породы, почему породы? Ей просто это льстило, потому что она была блондинкой с карими глазами. А этот вот – как раз наоборот, да.

Он, кстати, тоже столбенеет. Да, мне есть чем удивить.

Аккуратно вынимаю у баристы из рук кофе, поддвигаю к ней купюры и отдаю стаканчик красавцу. Он автоматически берет его, продолжая пялиться на меня. Точнее – на мои волосы. Но первая сигнальная система что-то там ему передает, и он переводит взгляд на свои руки:

– Это что?

– Ваш кофе, – вежливо информирую я. – Я вам его купила, чтобы вы так не страдали.

– Я сам могу купить себе кофе! – возмущается красавчик.

– Очевидно, не можете, – пожимаю я плечами. – Да берите. Говорят, для профилактики Альцгеймера полезно каждый день делать что-то новенькое, чего вы никогда раньше не делали. Пусть сегодня у вас будет то, что за ваш кофе заплатит безработная девушка.

– С сиреневыми волосами... – ошалело говорит красавчик, все еще не отводя взгляда от моей головы.

– Да уж, – огорченно говорю я.

Так и хочется заметить, что мои глаза немного ниже.

Пусть бы хоть на сиськи смотрел, что ли.

Я ободряюще улыбаюсь баристе, с трудом удерживаюсь от того, чтобы хлопнуть красавчика по плечу, и мы с моим остывшим кофе выходим в жестокий мир за пределами кофейни. Пусть все переварят свой новый опыт.

Заворачиваю за угол, прячусь в щель между двумя уже закрытыми бутиками, сажусь на корточки и начинаю плакать. У меня очень паршивый день.

Звездное небо

Не так много в моей жизни было уникальных дней, чтобы все свалилось сразу.

С утра бросил парень, в обед лишилась всех сбережений и подруги – это связанные факты! – а вечером отказали в последней компании, куда я пыталась устроиться на работу. Честно говоря, таких дней до сих пор вообще не было.

Хотя звоночки начались еще два месяца назад, когда нас на работе собрал генеральный директор и объявил, что компанию купил большой холдинг и... теперь ее закрывает. Сокращения, банкротство, по соглашению сторон, по собственному – вот что у нас в меню.

Всего десять человек – и мы оказались не нужны. Хотя все это время успешно трудились, ни разу не произнося слов «это не моя работа», потому что вся работа была нашей. Мы болели за компанию как за свое дело.

Потому особенно обидно было увидеть в своей трудовой, что семь лет я, оказывается, проработала «менеджером социальных сетей». Тем самым SMM, которыми берут мамочек в декрете, потому что считается, что времени и мозга там не нужно. Вроде бы всего лишь запись, на самом деле я делала больше, но кого в этом теперь убедишь?

На всех собеседованиях у меня очень ласково и аккуратно интересовались, почему молодая амбициозная девушка сра-

зу после института за столько времени не построила хотя бы хлипкую карьерку. Хоть бы до редактора или технического писателя не доросла?

Это если меня вообще приглашали на собеседование.

После каждого отказа я отчаивалась все больше, а мой бойфренд хмурился и вместо «у тебя все получится, я в тебя верю!» заводил разговоры на тему, что он не готов к жене-домохозяйке и детям. Что он любит целеустремленных девушек, ярких, творческих. «Вот как ты, Яна, но что-то ты в последнее время погасла. Нет, я понимаю, нервы, обиды, тяжелые времена. Тебе, конечно, сложно, я вижу. А какие у тебя дальнейшие планы?»

И вот пару недель назад во время какой-то мелкой ссоры он ни с того ни с сего завелся и назвал меня инфантильной.

– Посмотри, – орал он, – ты же ребенок! И ладно бы няшная нимфетка, нет, ты как будто мерзкий подросток-пацан. Играешь в компьютерные игры, гоняешь на самокате, слушаешь какую-то пургу вместо музыки, и еще твои волосы! В двадцать восемь лет краситься в сиреневый – это детство в жопе, Яна!

Потом он извинялся и даже говорил, что вовсе не это имел в виду. Но вот сегодня с утра снова всплыло словечко «инфантильная».

– Тебя, – сказал он, – потому на работу и не берут, что с первого взгляда на твою сиреневую башку все видно. И сегодня не возьмут.

Я возражала – сегодня возьмут! Идеальная должность, я на нее подхожу на 200%

Он так холодно и зло спросил:

– Уверена?

Я предложила поспорить.

На мороженое.

И это было последней каплей.

Я еще немножко надеялась, что, когда все-таки получу эту работу, напишу ему, и он признает, что был не прав. Извинится. И все будет, как раньше. Но я ее не получила.

Подруга с деньгами оказалась просто милым бонусом. Мы с Машкой семь лет работали вместе. И компенсацию за сокращение и отпуска нам тоже выплатили одинаковую. Она попросила у меня эти деньги в долг, чтобы купить машину. Обещала отдать сразу, как закончится срок вклада, где все ее накопления. Мол, раньше не снять, потеряет проценты. Срок закончился сегодня.

– Ахаха, – сказала она, – Яна, ты реально думаешь, что кто-нибудь в мире стоит полмиллиона? Дружили бы мы с тобой с детсадовских горшков, я бы подумала. Но мы просто коллеги. Даже в дальнем кругу на всякий случай тебя держать невыгодно, ты ведь ничего не добьешься, ты – неудачница. Ты даже расписку с меня не взяла. Не было никаких денег, забудь. Можно подумать, ты бы не променяла меня на полмиллиона? Не ври себе, я же себе не вру.

Такой вот день. Официально самый худший в моей жизни.

Я еще немножко похлопала носом и встала. Ничего, как-нибудь справлюсь. Квартиру мне бабушка оставила в наследство, на макароны наскребу. Пойду, в конце концов, мороженщицей работать.

Детям мой цвет волос понравится.

До полуночи оставалось полчаса. Вот пробьет двенадцать раз и побегу домой, теряя туфельки, к своей тыкве и крысам.

В холодных стальных коридорах не осталось ни одного открытого магазина, все были задвинуты сверкающими жалюзи. И торговый центр с его закругленными коридорами стал похож на космический корабль: блестящие полы, холодный свет ламп, задраенные люки.

И ни одной урны – так я и вышла на улицу со своим пустым стаканчиком из-под кофе.

Тут тоже не было ни души. Ветер завывал, носясь между небоскребами, как между скалами в пустыне. И снова некуда выбросить мусор. Мы со стаканчиком стали уже лучшими друзьями. Ну невозможно же, чтобы сегодня мне не везло даже в такой ерунде!

Я обернулась, чтобы посмотреть в последний раз на Москва-Сити и пойти уже к метро – и вдруг застыла на месте от невероятной красоты.

Над Москвой почти не видно звезд – слишком много городских огней. Я уж и не помню, когда в последний раз видела настоящее небо, оно осталось в воспоминаниях о по-

ездах к бабушке в деревню.

Но сейчас: огромные черные скалы закрывали неживой свет города, и ярко светились разбросанные тут и там горящие окна в офисах и квартирах.

Надо мной нависало звездное небо.

Люди спрятали его, потеряли, но потом спохватились и сделали рукотворное.

И оно было невероятным, огромным и почти таким же могучим, как настоящее.

Я стояла так несколько минут, потрясенная этой красотой.

И тут сзади раздался гудок, от которого я подпрыгнула с места на метр, как кошечка, увидевшая огурец.

Обернулась – из опущенного окна «Порше кайенна» торчала лохматая голова красивого хама из кофейни.

– Я забыл сказать спасибо! – сказал он, улыбаясь именно так, как я думала он будет улыбаться – открыто, радостно и так обаятельно, что невольно начинаешь улыбаться в ответ.

Приглашение

– Пожалуйста, – отозвалась я, возвращаясь к любованию рукотворным небом. Меня такой ерундой не проймешь. К тому же я уже видела, каким он может быть неприятным. Баристе он тоже сказал спасибо? И сигналить не стоило.

И вообще, что хорошего может случиться в день, когда я даже урну не могу найти, чтобы выбросить мусор?

Я ждала звука отъезжающей машины, но вместо этого услышала хлопанье дверцы и шаги. Сероглазый красавец подошел ко мне, встал рядом и тоже задрал голову:

– Вы так смотрите, будто из провинции и никогда не видели небоскребов.

– Будь я из провинции, это было бы по-настоящему обидно, – отозвалась я деланно равнодушно. Но на самом деле я почти заработала косоглазие, пытаюсь рассмотреть его, не поворачиваясь и не выдавая своего интереса.

– А вы нет?

– А я нет. Просто редко тут бываю и впервые – ночью.

– А я тут часто, но никогда не замечал, что это действительно красиво.

Вот тут я удивленно повернулась. Он тоже оценил?

Он стоял, задрал голову и засунув руки глубоко в карманы делового костюма. Смотрелось по-мальчишески. Я даже подумала, что на дорогих костюмах карманы надо зашивать,

оставляя для красоты, как на женских платьях. А то несолидно. Но он вообще был ужасно несолидный, хоть на вид и старше меня.

– Это такая вежливая беседа среди каменных джунглей? – усмехнулась я.

– Я хотел пригласить вас в ресторан, если вы не против... – Он наклонился, разглядывая надпись на моем стаканчике и потом упираясь в меня своим прозрачным взглядом. – Яна.

Традиция писать имена на стаканах, которую маленькие кофейни перетащили у большого «Старбакса», выдала меня ему на блюдечке.

– В честь чего это? – подозрительно спросила я.

– Хочу отплатить за ваш широкий жест. – Теперь он смотрел не на небоскребы, а на меня, но с таким же интересом. – Такой новый опыт для меня все же чересчур.

– Пожалуй, откажусь. Исключительно из заботы о вашем здоровье.

Не думаю, что ему часто отказывали. По крайней мере, он выглядел удивленным и даже недоуменно приподнял одну бровь и нахмурился:

– Мне кажется, вам тоже была бы полезна профилактика Альцгеймера. – Он нахмурился еще сильнее. – Как насчет нового опыта? Со мной? Вы ведь наверняка никогда не ездили в машине с человеком, которому купили кофе.

– Ездила. – Я улыбнулась. Он начал вызывать у меня сим-

патию.

– И который назвал вас провинциалкой?

– Ездила. – Я улыбнулась еще шире.

– И повез в ресторан «Накануне лета».

– Сдаюсь! – Я рассмеялась. Про этот ресторан я даже не слышала. – Умеете вы оборачивать слова людей против них.

– Должность обязывает.

– А что за должность? – заинтересовалась я. Вообще-то с такой внешностью ему бы моделью работать. В крайнем случае в кино сниматься. А в российском бизнесе вряд ли любят таких красавчиков, у нас все сурово.

– Тут бы мне оказаться адвокатом или политиком, – с досадой прицокнул он языком. – Но вынужден перестать выпендриваться и признаться, что генеральный директор. Ну и владелец компании, если просто директор вас недостаточно впечатлит.

– А зачем вам надо меня впечатлять? – Тем более что я уже и так на крючке и трепыхаюсь только из врожденного чувства противоречия.

Даже если бы он позвал меня в Макдоналдс и оказался грузчиком, я бы повелась только на эту улыбку и чувство юмора. Хотя грузчик с «Кайенном» тоже интересный персонаж.

– Чтобы вы согласились. Я ведь, правда, всю ночь спать не буду, чувствуя, как ужасно поступил, став буквально альфонсом. – Он прижал к груди руку, сложил брови домиком и

посмотрел на меня такими прекрасными жалостными глазами, что котик из Шрека ушел, рыдая, на курсы актерского мастерства.

– Мне кажется, вам это полезно, – жестоко и хладнокровно ответила я.

Давно бы сдалась, но на часах пока без пяти двенадцать, мой паршивый день еще не кончился, и суеверность не давала мне согласиться.

– Возможно, но я уже полчаса им пробыл, и на первый раз наказание достаточное, жестокая красавица!

– Это не наказание, это профилактика Альцгеймера, – отрезала я, стараясь не ржать.

– Хорошо. – Он вдруг стал очень серьезным. Вынул руки из карманов, поддернул рукава пиджака, поправил галстук. – Давайте продолжим профилактические мероприятия. Я вот никогда не ужинал с девушкой с сиреневыми волосами. Уже наступил следующий день. – Он вскинул руку, чтобы взглянуть на часы. – Необходима следующая доза нового опыта.

– Надеюсь, это не очень пафосный ресторан, – сложила я оружие. – И туда вас пустят с этой самой девушкой с сиреневыми волосами.

– В настоящий пафосный ресторан пустят даже с собакой на роликах и с мороженым. И с сиреневым ирокезом.

Я посмотрела вверх небоскребов. Дорогое небо, Криса Хеймсворта ты мне еще должно. И работу. И денег. Но для начала сойдет и этот.

– Поехали! – кивнула я.

Самый паршивый день закончился. Начинаем отсчет ошибок заново.

Он открыл мне дверцу, и я с трудом вскарабкалась в высокий джип. Когда эти пафосные дорожные машины только появились в Москве, они мне очень нравились. Я всегда была поклонницей машин Джеймса Бонда времен Шона Коннери – эти плавные поршевские обводы, прищуренные злые фары, ощущение хищной красоты. Но потом в «Кайеннах» стали ездить все подряд, они превратились в символ бандитских и глупых денег и совершенно мне разонравились.

Конечно, до сегодняшнего дня это была немного ситуация «лиса и виноград». Зато теперь я могла в полной мере ощутить уют просторного салона, оценить, что огоньки на приборной доске перемигиваются прямо как на панели космического корабля – и вместе с космосом за окном это создает совершенно фантастическую атмосферу. Ладно, пусть пошлая и бандитская, но машина мне нравится.

– Кстати! – вспомнила я. – Вы мое имя знаете, а я ваше нет. Так нечестно.

– О, точно. – Он откинул солнцезащитный козырек, достал оттуда визитку и протянул мне.

– Вадим Сергеевич Романов, – прочитала я вслух. Надо же, фамилия тоже породистая. – Холдинг «Небыюла»...

Ну ни фиги ж себе! Вот это я попала!

– Знаете, – сказала я очень, очень спокойным голосом,

пока владелец холдинга «Небьюла» Вадим Сергеевич Романов выруливал на шоссе. – Вы мне должны даже больше, чем кофе. Ведь это по вашей милости я безработная.

Ресторан

Он мрачно покосился на меня, аккуратно вынул визитку из пальцев и убрал обратно за козырек. Плотнo сжав губы, вырулил на шоссе и только тогда повернулся, вновь ошеломляюще улыбаясь:

– Начнем, пожалуй, с начала. Я – Вадим.

Потрясающая наглость. Я даже слов не нашла за все недолгие пять минут, что мы добирались до «Накануне лета». А потом слова пропали, потому что место за тяжелыми и мрачными дверями оказалось настоящим чудом.

Из теплого деревянного пола к потолку поднимались колонны в виде переплетающихся деревьев; наверху они расходились извивами толстых ветвей, которые встречались и сплетались друг с другом. Вместо листьев их оплетал вечнозеленый плющ, и я бы не удивилась, узнав, что настоящий. С потолка свисали гирлянды розовых, желтых и белых цветов с едва мерцающими в глубине диодными огоньками.

И отовсюду лился теплый солнечный свет, будто мы в летнем лесу, а не в центре Москвы за полночь. Если бы Вадим не поддерживал меня за локоть, я бы обязательно споткнулась, пялясь по сторонам. Столики тоже будто росли из пола, а вокруг них были расставлены плетеные кресла, и кое-где даже висели качели на толстых грубых канатах.

Немного даже пожалела, что мы в итоге пришли в самый

дальний угол, где качелей уже не было – только деревянные скамьи с ворохом подушек.

Я бы покачалась.

Ну да, инфантильная.

Только когда Вадим усадил меня спиной к залу, я очнулась и поняла, что все это время он был так близко, что практически обнимал меня, а я этого даже не заметила.

Опомнившись, попыталась сосредоточиться на нем и не бросать украдкой по сторонам любопытные взгляды. Виталик меня постоянно одергивал, когда я в упор рассматривала людей, поэтому сейчас я постаралась изобразить отстраненную вежливость и не пялиться на Вадима так откровенно, как только что пялилась на интерьеры.

Хотя, если честно, эти правила приличия меня всегда убивали. На людей в упор смотреть нельзя, по сторонам, открыв рот – тоже нельзя. Так на что смотреть-то? На собственные обгрызенные ногти и страдать, что я в приличном заведении и без маникюра?

К счастью, мои терзания прервала официантка, которая принесла меню и графин с лимонадом, который так ярко и остро пах летом и дачей, что я почти забыла, что мы не за городом в жаркий летний день.

Вадим врубил харизму на полную мощность и успел обаять официантку, пока она разливала лимонад по бокалам и раскрывала меню. Когда мы пришли, девушка была сонной и снулой, но сейчас разругмянилась, засверкали глаза, улыб-

ка перестала быть дежурной.

– Девушке в кофейне слабó было так улыбнуться, – задумчиво уронила я в воздух, невидящим взглядом скользя по меню.

– Я перед ней извинился, – фыркнул он. – И завтра цветы пришлю.

– Потом – не считается. Стоило вообще так нервничать из-за какого-то кофе? – Я, кстати, тоже наглая, особенно когда не в своей тарелке. А от цен в меню, на которые я, как настоящая безработная бедная девушка, посмотрела в первую очередь, я стала прямо очень не в своей тарелке.

– Когда ты кофейный наркоман, но легкомысленно отпустил секретаршу, надеясь, что во всем гребаном деловом центре есть хоть одна открытая кофейня... И тут выясняется, что есть ровно одна, но в ней не принимают карты – стоило!

– Купить вам пакетик растворимого кофе три в одном на случай будущих катастроф? – заботливо поинтересовалась я. Меня удостоили острого злого взгляда. – Что?

– Да вот думал, мне показалось, что вы невыносимо ядовитая змея на фоне неадекватного состояния. А теперь вижу – не показалось.

Я проглотила комментарий на тему, что человек, ставший причиной моего самого паршивого дня с начала и до конца, еще и не того заслуживает. Ему, небось, всю жизнь делают скидки за смазливую мордашку. Даже я расплылась.

Но постаралась все-таки сосредоточиться на меню. А то я так неприлично долго его разглядываю, что у моего спутника скоро возникнет ощущение, что я читаю по слогам.

Хотя тут только по слогам и читать:

«Конфи из кролика на подушке из капустного пюре с хамоном и лаймовым маринадом».

«Артишоки, фаршированные маринованными кумкватами».

«Аранчини из ризотто».

Ну, допустим, кролика я узнала. И подушку тоже. Но что с ними проделали, можно как-то по-русски объяснить?!

Салаты были понятнее, но от вариантов «салат с арбузом и чесноком» и «салат из лепестков роз с трюфельным маслом» мне сильно легче не стало.

Может, тут детское меню есть? С картошкой фри и сосисками? Я бы не постеснялась!

Но даже предсказуемый раздел пасты меня предал: фарфалле, оркьете, фетуччини, фузилли, – так, я все поняла, достаточно.

Фуа-гра с радиккьо а-ля натюрель вколотило в мой гроб последний гвоздь, и я решительно захлопнула толстенную папку.

Попыталась превратить свой кривой оскал в вежливую улыбку и сказала подошедшей официантке:

– Что-нибудь на ваш вкус, пожалуйста. То, чем ваш шеф больше всего гордится.

Официантка вернула мне такую же натянутую улыбку и забрала меню.

Я немного поискала, куда деть совершенно лишнюю пару рук, и, случайно подняв взгляд, застучала Вадима, с тайной улыбкой наблюдающего за мной.

– Развлекаетесь? – прошипела я, наклоняясь к нему через стол. – Привели собачку на скейте с ирокезом и наблюдаете, что будет?

– Ну, если честно... – Прижал он руку к груди, но промахнулся и вместо сердца поверил свою искренность внутреннему карману пиджака. Надеюсь, в нем лежит что-нибудь ценное. Презерватив или хотя бы кредитка. – Если честно, не был до конца уверен в здешнем персонале. Днем тут хозяйка следит, чтобы не было снобизма, а ночью все, что угодно, может быть.

– И как? Кто справляется лучше – персонал или собачка?

Вадим тоже перегнулся через стол ко мне, так что мы стали выглядеть как заговорщики, которые планируют взорвать английский парламент, и я залипла в прозрачной чистоте его глаз.

Он протянул руку, положил мне на затылок, притягивая к себе еще ближе, и в тот момент, когда я уже была совершенно уверена, что сейчас он меня точно поцелует, дернул меня за прядь и прошептал прямо в губы:

– Собачка.

Свидание

И откинулся на спинку, насмешливо на меня глядя:

– Официантка несколько раз оборачивалась, пока думала,

что мы не видим.

Ах ты ж зараза...

И, черт, я ведь была совсем не против поцелуя.

Мой убийственный взгляд, впрочем, до адресата не дошел, потому что уже принесли еду.

Я смотрела на свою тарелку с плохо скрываемым подозрением. Больше всего это было похоже на причудливую башенку работы Гауди. Из кусочков, кажется, мяса. И рыбы тоже. И овощей. И по бокам росла травка. Ну, а художественная картина соусами по тарелке – это уже мелочи.

Детское меню, где же ты?..

Вадим насмешливо наблюдал за моими терзаниями. Я пропустила момент, когда он заказал что-то себе, но ему принесли вполне узнаваемую карбонару. Как я ее пропустила в потоке итальянского ужаса?

– Вы так смотрите, Яна, как будто сейчас планируете эту крепость завоевать, а не съесть.

– Как будто не одно и то же... – пробормотала я, пытаюсь понять, с какого конца эту дженгу разбирать.

– Хотите поменяемся?

Я выпрямилась и посмотрела на его насмешливую полу-

улыбку. Вспомнила почти поцелуй и вызверилась:

– Божечки-кошечки, Вадим Сергеевич, вы как будто пытаетесь меня унижить тем, что я не пробовала какое-то блюдо. Между тем именно у вас уже второй день подряд сплошной новый опыт, и вы еще его и стесняетесь. А мне в кайф разбираться, что за странную зверюшку мне принесли поесть, понимаете?

– Вадим Сергеевич, значит... – Он даже улыбаться перестал.

Зато я просияла во все тридцать три зуба. Задевает, красавчик?

Я смотрела на него, он смотрел на меня, и где-то посередине, где встречались наши напряженные взгляды, искрилась и кипела электрическая ярость. Я видела, как расширяются его зрачки – говорят, это происходит, когда хочешь кого-то убить или...

– Ну расскажите, Яна, как вам разрушил жизнь владелец холдинга «Небьюла», – ехидно улыбаясь, произнес наконец он.

Все-таки убить. Ну, я точно хочу.

Вместо ответа я взяла вилку и тремя резкими ударами превратила креативную башенку на тарелке в нормальную еду.

– Жестоко... – пробормотал Вадим и отпил лимонад из бокала.

Я моментально пожалела, что нельзя заказать банан и де-

монстративно его порезать на кусочки.

– Seriously, Яна. Это случилось два месяца назад, и компенсации были честные. Чем ваша работа была так хороша, что вы мысленно расчленяете меня чайной ложечкой?

Я вздохнула:

– Четверть жизни, Вадим Сергеевич. Знаете, как говорят, наш коллектив был, как семья. Мы были ближе, чем семья.

– Четверть? А вам, Яна... – Он затруднился, а я не стала ему помогать со своим отчеством. – Не больше тридцати ведь. Стало быть, спасибо надо мне сказать, что вытолкнул вас в большой мир. Сейчас не принято всю жизнь сидеть на одном месте.

Я задохнулась от такой наглости. Потыкала еще немного в еду ножом.

Попробовала – все-таки рыба.

Только разных видов. И правда, вкусно.

Жалко, я не особо в настроении наслаждаться.

Вадим молчал, задумчиво шурился, пил лимонад и смотрел на меня. Я тоже молчала, поедая загадочную башенку.

Потом отложила вилку и прямо встретила насмешливый взгляд:

– Нас было мало, но каждый был уникальным. Игорь, например, занимался всей техникой – настраивал сервера, чинил наши компы, договаривался с хостерами и программистами, даже выбирал нам личные мобильники. Миша был идеальным администратором. Он составлял такие планы, ко-

которые учитывали буквально все, включая пищу по четвергам и сезонные эпидемии гриппа. Тамара Васильевна знала все о бухгалтерии, налогах, документации. Ей семьдесят, и ее до сих пор уговаривают выйти на работу. Идеальная команда.

– А вы, Яна? В чем был ваш уникальный фантастический дар? – Он так и не притронулся к своей пасте, и я его понимала. Чуть зазеваешься с застольным этикетом – и тут я. Жду промашки с острым клинком сарказма наготове.

– Я была креативным мозгом. Все, что надо придумать, написать, все, где нужно творчество, – мое. Гендир без моего разрешения даже презентации партнерам не показывал.

– Как трогательно. Жаль, я не познакомился с такими суперлюдьми... – Вадим похлопал в ладоши.

– А то бы не стали нас разгонять? Зачем это нужно было? Пожал плечами, отодвинул остывшую карбонару и жестом позвал официантку.

– Мне нужны были ваши связи в регионах. Тридцать семь городов по всей России с уже налаженными контактами, серверами в дата-центрах, подписанными договорами и своими людьми. Одни представительские расходы на бани и прости-туток за год обошлись бы дороже, чем та сумма, за которую вас купил.

– А мы были не нужны?

– У меня не благотворительная организация. Только бизнес.

Подошла официантка.

– Мне капучино, а вам, Яна? Тоже кофе?

– Нет, я – пас.

– Вина, может?

– Одной пить? Вы же за рулем.

– Тогда десерт? Что у вас есть на десерт? – Он снова подарил божественную улыбку официантке, не сводящей с него глаз.

– Советую муссовый торт с гречкой и манговым кремом на бисквите франжипан из новой коллекции десертов. – Она наклонилась к Вадиму, демонстративно игнорируя меня.

Я закатила глаза.

– Девушка не хочет, – перевел мою пантомиму на человеческий язык Вадим.

– А вы? – Официантка как-то подозрительно начала хлопать ресницами, и я закатила глаза повторно.

– А я не люблю сладкое. – Он улыбался кривой улыбкой, но до глаз веселье не доходило.

Я бы на месте официантки притормозила с флиртом. Но она, кажется, мышей не ловила.

– Совсем-совсем? Вы знаете, у нас бывают особые десерты...

– Судьбу благодарите, что Мария Евгеньевна не узнает о ваших особых десертах, – не меняя сладкого тона и градуса улыбки, отчетливо проговорил Вадим. Официантке понадобилась целая секунда, чтобы сообразить и, ойкнув, убежать.

Я покачала головой:

– Понятно, добра от вас не дожждаться.

Он посмотрел на меня, нахмурившись, с непониманием:

– Официантка пристаёт к посетителю, да ещё и к тому, кто явно на свидании, прямо на глазах женщины, с которой он пришёл, а я что должен с ней сделать? Погладить по головке? Машка бы её вообще убила, а тут есть шанс, что исправится. Давно обещал заехать проверить. Ночью даже в самых приличных местах всякое бывает.

– Свидания? – Я тоже потренировалась поднимать одну бровь, но, судя по муке на лице Вадима, который на это смотрел, получилось не очень.

– Мужчина и женщина ужинают ночью вдвоём... Что же это ещё? – Медленная ленивая улыбка тронула его губы, в глазах зажглись огоньки – или это отражение диодов из цветов?

Официантка молча, не глядя ни на Вадима, ни на меня, принесла ему капучино и быстро ушла. Интересно, сколько он пьёт кофе в день, если так звереет без дозы?

Если я выпью больше чашки после обеда, не сплю потом до утра.

– Ну что, по домам? – спросил Вадим после того, как мы промолчали добрых десять минут – он с кофе, я со своими мыслями. Никто не рисковал начинать новую тему.

– Не хочу домой, – честно созналась я.

Он посмотрел на меня со странным, ехидным выражени-

ем:

– Ну тогда ко мне.

В лифте

Обычно на свиданиях я предпочитаю свою часть счета оплачивать сама, но сегодня мне компенсируют стаканчик кофе, не так ли?

А еще я помнила местные цены, и эти симпатичные циферки напрочь растворили остатки совести и гордости.

На выходе наша смущенная официантка пожелала нам хорошей ночи и прекрасного дня, ни на секунду не допустив в тоне двусмысленности. Вадим в награду снова обласкал ее своим обаянием.

И мы приехали... снова к Москва-Сити.

– Живете на работе? – Хотя я фактически напросилась к нему в постель, перейти на «ты» я все еще не могла.

– Как любой нормальный трудоголик, – пожал плечами Вадим, отстегивая ремень безопасности и обходя машину, чтобы открыть мне дверцу и подать руку. Вообще-то я задержалась случайно, все еще удивляясь нашему возвращению, но вышло удачно, учитывая обстоятельства.

Он еще и за талию обнял, помогая выбраться. И не отпустил.

– И мы... в офис? – Я проглотила много-много вариантов того, что мы там можем сделать.

Такой день. Такая ночь. Пусть она будет немного сумасшедшей, почему бы нет? Завтра со мной снова будут мои

проблемы, и я буду их решать, потому что кроме меня, такой инфантильной, некому. Зато сейчас – передышка.

Крошечный кусочек безвременья и безответственности.

– На самом деле купил апартаменты в башне, чтобы не мотаться каждый день на работу по пробкам. – Его губы были близко от моих, невероятно близко, он почти касался меня, но больше ничего не делал.

– Я бы не стала здесь жить. – Я попыталась сгладить однозначность ситуации. – Слишком... офисно.

Светские беседы, все дела.

Вадим отклонился, чтобы продемонстрировать насмешливо приподнятую бровь. Я смутилась. Немножко.

Он молча покачал головой и повел меня к лифтам. Позади пискнула сигнализация.

– А где бы ты жила? – Он ткнул кнопку вызова и даже чуть отошел от меня.

И правильно, вон там камера, а в двадцати метрах охранник. Который, правда, наверняка видел такое-такое, что мы его уже ничем не удивим.

Но я всерьез задумалась над вопросом. Как и все, я часто представляла себе идеальный дом – на случай, если внезапно выиграю в лотерею миллиард. То это была маленькая промозглая квартирка в Венеции, то коттедж с камином в горах, то бунгало на берегу океана.

А сейчас, наверное, повлиял интерьер ресторана, но я внезапно собрала все мечты в одну:

– Я бы жила у озера в двухэтажном доме. Окна моей спальни выходили бы прямо на воду, а в кабинет наверху прямо по веткам сосен прибежали бы белки. И чтобы везде гамаки – на кухне, в гостиной, везде-везде.

Кажется, кто-то насмешливо хмыкнул? Я уже разворачивалась, чтобы высказаться, но тут открылись двери лифта. Вадим затащил меня внутрь, прижал к стене и начал целовать раньше, чем нащупал кнопку этажа.

И как целовать...

Он втянул меня в поцелуй, как стремительная зимняя река затягивает под лед. Я еще цеплялась пальцами за края реальности, но течение уже уносило меня неумолимо и быстро. Не осталось даже мыслей, и только потом я поняла – почему.

Поцелуи бывают разные.

Некоторые мужчины целуются так, что ради мира на земле допускать их к оральному сексу просто нельзя.

Многие так, что понятно – их цель не тут, она дальше, давай быстренько проскочим этот этап и перейдем наконец к главному пункту программы.

Кое-кто использует поцелуи для того, чтобы пообещать, что будет дальше. Тизер, трейлер и аннотация: сначала я раскрою твои губы нежно и аккуратно, потом решительно войду, а потом буду вот так изображать отбойный молоток, как сейчас долблю языком в рот.

Вадим целовался... офигенно.

Он знал, что делает, и не путал секс с поцелуем – у них со-

вершенно разные техники. Он наслаждался самим процессом, не используя его для других целей.

Если бы в мире оставались одни только поцелуи, без продолжения, они были бы именно такими – самодостаточными и глубокими.

Он не торопился и не затягивал, но полностью и абсолютно объяснил мне, почему поцелуй может быть интимнее секса.

Двери открылись на этаже, похожем на коридор хорошей гостиницы – мрамор, золото, зеркала и мягкий свет. И цифры – 56, выложенные на полу.

– Никогда не замечал, как быстро у нас ездят лифты, – пробормотал Вадим, даже не делая попытки выйти.

Я была с ним совершенно согласна.

А может быть, мои улетные ощущения – от ускорения в кабине? Хорошо бы так, буду кататься с новыми кавалерами в высотках и...

И поцелуй в стоящем лифте оказался не менее крышесносным. Его, увы, тоже пришлось прервать, потому что двери начали закрываться.

Ездить вверх-вниз ради уединения в нашем возрасте вроде уже несолидно, тем более в этих скоростных лифтах.

Я поклялась себе, что в следующий раз буду целоваться в самом старом лифте города, который только найду. Желательно с Вадимом.

– Пойдем. – Он снова обнял меня рукой за талию и под-

вел к двери квартиры, где набрал на панели короткий код и провел пальцем по сенсору.

– А код ты спяну не путаешь? – хмыкнула я. – Я иногда так устаю, что пин от карты забываю.

– Путаю и забываю, – кивнул Вадим. – И вообще предпочел бы старые добрые классические ключи на колечке, но нет времени заняться, я реально сюда только спать прихожу. Полтора года назад купил и... – он первый вошел в откывшуюся дверь, вспыхнул свет, и я остолбенела, – даже не успел под себя переделать.

– З-заметно, – еле проговорила я, разглядывая потолок в холле того же цвета, что и мои волосы.

Приличные разговоры

Едва я прекращала ржать, я поднимала глаза на Вадима, видела его оскорбленное лицо и снова сгибалась в натурально истерическом хохоте.

– Ты... – После жарких поцелуев вежливое «вы» незаметно растаяло. – Ты меня подбирал под интерьер, что ли?

И только я отсмеялась и вытерла слезы, как посмотрела на пол – золотой плиткой там было выложено стилизованное солнце. На черном фоне. И греческие амфоры по бокам.

Смеяться больше сил не было.

– Прости, прости...

Вадим подозрительно молчал. Обиделся, что ли?

Нет, и вот этот человек что-то там рассказывал про провинциалку и называл собачкой. Ну пусть не он заказывал этот ошеломительный дизайн, но он тут живет полтора года! Полтысячи дней ходить под потолком цвета истерической сирени. Я бы не смогла, у меня психика слабая.

– Закончишь развлекаться тут, заходи в комнату, может, там тоже смешно, – скрипнул Вадим зубами.

– А где тут туалет? – крикнула я вслед.

Он махнул рукой налево, даже не обернувшись. Ой, ну надо же, правда обиделся.

Он знал. Он знал.

Я стояла в туалете и не могла поверить своим глазам.

Ладно, он был огромным, с двойным душем, ванной на львиных лапах, а унитаз с биде не осрамились бы перед баскетбольной сборной.

Но он был выложен золотой и серебряной мозаикой.
Изображающей.

Французские.

Шторы.

Мозаика. Шторы.

То, что на полу там были какие-то изысканные узоры со змеями и рыбами и светильники извивались, стараясь затмить великолепие ванны на львиных лапах, – уже было неважно.

Я вывалилась оттуда, тихонько похрюкивая, и отправилась наслаждаться дизайном гостиной.

Она оказалась внезапно приличной – диван в форме подковы, длинный стол и барная стойка – все сдержанных, пастельных тонов, как будто здесь за оформление отвечали совсем другие люди.

Вадим стоял у панорамного окна во всю стену, из которого открывался вид на добрую половину Москвы. В черноте ночи перемигивались разноцветные огни: алые и золотые на дорогах, неоновые сине-зелено-лиловые на вывесках, теплые желтые в домах. Их разноцветный ворох отражался в поверхности Москва-реки, обнимающей город сверкающим полукружьем.

Да, человек, купивший квартиру с таким видом, точно мог

оценить рукотворное небо.

Но он повернулся с поджатыми губами и недовольной морщинкой между бровей, и я не удержалась:

– Слушай, а тебе не стремно в Версале срать?

Он хищно оскалился:

– Откуда ты вообще такие слова знаешь? Приличные женщины в туалет ходят только поправить макияж.

– Приличные женщины не прыгают в первый же день знакомства к неприличным мужчинам в постель.

– А ты пришла в постель? – Его брови взметнулись с таким удивлением, как будто мы с ним в лифте обсуждали падение акций Эппл.

– Оу... – Я отошла к дивану и села, чинно закинув ногу на ногу и сплетя лодыжки. – А ты что, хотел показать мне свою коллекцию лютневой музыки XVII века?

– Нет, – буркнул он, то ли узнав цитату, то ли наоборот. – Только офорты Моранди.

– Серьезно? – Это я хорошо зашла, удачное знакомство. – У тебя есть оригиналы? Покажи!

Воцарилась неловкая пауза. Он смотрел на меня так, будто я выясняю у него, что смешного в анекдоте «Колобок повесился», я на него – сначала с нетерпением, потом с недоумением, а потом до меня начало доходить...

– То есть это тоже была шутка? – уточнила на всякий случай.

Вот это, конечно, провал.

У Вадима было сложное выражение лица.

То ли гадал, что это за изощренный сарказм, то ли...

Кто-то что-то не понимал.

– То есть ты их даже не видел? – снова уточнила я.

– А ты видела?

– А я их люблю, – я развела руками.

Кажется, страстный секс двух почти незнакомцев отменяется, у нас тут неловкие моменты за неловкими моментами.

Повисла еще одна пауза. Он смотрел на меня, я на него. Оба мы, я ручаюсь, думали, что другой – идиот.

Пауза становилась невыносимой, поэтому я начала болтать:

– Пару лет назад привозили выставку в Пушкинский, представляешь, пустые залы вообще, то ли дело ваш Тициан. Конечно, у Моранди нет роскошных рыжих девок, да и вообще девок нет, у него цветочки да вазочки, да офорты. Но ведь эти цветочки – если присмотреться, там такие тонкие оттенки, ни у кого ничего подобного не встретишь, понимаешь? Это не о взрывном впечатлении, как у Ван Гога, например, а о редкости оттенков, о таких вещах, которые никто больше не умеет замечать и делать...

В пустоте между нами мои слова еще сильнее подчеркивали неловкость момента.

Вот поэтому отношения у меня получаются только с занудами вроде Виталика.

– Может, ты еще и на Брейгеля в Вену летала? – мрачно

поинтересовался Вадим, снова засовывая руки в карманы.

Но теперь он был больше похож на гопника. Такого, немного угрожающего, очень богатого и культурно недоразвитого гопника.

– Куда? Зачем? – не поняла я.

– Забей... – Вадим вздохнул.

– Слушай, какая, на фиг, Вена, откуда у меня бабло на Вену, – Тут уже я вздохнула. – Напоминаю, что ты сам меня уволил два месяца назад. Ты к реальности-то вернись.

– Хрен знает что, а не реальность, – буркнул он, падая на другой конец дугообразного дивана. – Нормальные женщины так себя не ведут.

Неприличные разговоры

Оу, посмотрите на него. Цвет волос выдержал – ну при такой интенсивной атаке на рецепторы со стороны квартиры я уже не удивляюсь. А на несчастном Моранди порвался. Шопенгауэра процитировать, что ли, для закрепления эффекта?

– А как ведут? – вежливо спросила я, подбирая под себя ноги. Во мне проснулся антропологический интерес. – Ты когда нормальную женщину видел-то последний раз? Чтобы не офисный вариант.

– На той неделе. – Он всерьез задумался над вопросом, мамочки!

Неудивительно – если жить и работать в одном и том же здании, быстро одичаешь.

– Модель, небось, отвел в ресторан? – сочувствующе покивала я.

Ну а кто ему еще светит, в самом-то деле?

– Ну почему модель... – Он так смешно замялся, что не дожать было бы преступлением:

– А кого?

– Кажется, это была журналистка... или помощница чья-то...

– Ясенько, – покивала я. – Как звали? О чем разговаривали?

Пауза. Нет, кажется, морально я ему уже отомстила, но

остановиться ужасно сложно!

– Слушай, а вы все такие? – спросила с искренним интересом.

– Кто? – Он сидел, откинувшись глубоко на спинку, засунув руки в карманы, и пинал ногой стоящий перед ним пуфик. Не знаю, сколько ему лет, но сейчас выглядел на все пятнадцать, и я ему еще польстила!

– Ну вот вы, боссы с секретаршами, бентлями и золотыми запонками...

– Какие – такие? – Он дернул рукав пиджака, как будто стесняясь этих самых запонок.

– Ну... – Я встала с дивана и подошла к окну.

Божечки, как красиво! В спальне, небось, не меньшая красота. А я со своим длинным языком, кажется, упустила возможность заснуть и проснуться под роскошные ночные и рассветные виды Москвы.

– Мы же нормально с тобой вроде общаемся, – мрачно сказал он. – Точнее, общались.

– Да вот сама удивляюсь. – Я вернулась к дивану, но на этот раз подошла к другому концу и тоже попинала пуфик. Вдруг я что-то упускаю. – Тебя же как будто из Sims вытащили и забыли научить свободе воли. Так и ходишь ходячим штампом про властного босса.

– Слушай, ну ты хамишь уже! – Его серые глаза от злости почти побелели. – Думаешь, я должен терпеть это все из-за чувства вины, что уволил тебя?

– Да не терпи, господи, – фыркнула я и собралась отойти, но он поймал меня за руку и дернул, опрокидывая на диван.

Навис, взглядываясь в глаза, и прошипел:

– Я тебя сейчас поцелую.

– Если мы об этом заговорили... – Я попыталась выскользнуть, но он положил руку мне на бедро, удерживая на месте. Страшно почему-то не было. Ну не выглядел он настоящим психом. – Лучше все-таки тут использовать вопросительный знак. Вежливее.

– А договор не подписать? – Он пытался смотреть мне в глаза, но взгляд постоянно соскальзывал на губы. Так и метался туда-сюда. – Может, ты еще и феминистка?

Я скрестила руки на груди и мило улыбнулась.

– Сколько нового я узнала сегодня! Теперь и мне не грозит Альцгеймер, спасибо, Вадим Сергеевич!

– Нет, я не могу доминировать в таких условиях! – Он выпустил меня и развалился рядом, задрал ноги на пуфик. – Ты ненормальная вообще.

– Давай ты меня отвезешь домой и успокоимся на этом? – предложила я примирительно.

В следующий раз, когда красивый и богатый мужик пригласит меня в ресторан, буду молчать.

М-о-л-ч-а-т-ь.

– Такси вызови. – Он откинул голову на спинку и изучал потолок.

Я тоже посмотрела вверх. Потолок как потолок. Внезап-

но белый. Без украшений и переменной высоты. Отдых для глаз.

– Я боюсь, – призналась. – Столько историй в Сети про неадекватных таксистов.

– А я выпил, – сообщил Вадим потолку.

– Ты трезв! – возмутилась я.

Он опустил голову и посмотрел на меня. Потом встал с дивана, подошел к бару, налил себе что-то темно-янтарное и показал мне:

– Видишь? – и выпил.

– Тогда я останусь ночевать. – Я пожала плечами.

Вадим налил второй бокал, принес и протянул его мне с кривой улыбкой:

– А я тебя изнасилую.

– Смотри, какой мамкин доминант! – восхитилась я, нюхая напиток.

Виски, что ли? Надеюсь, он достаточно дорогой, чтобы я могла засчитать себе еще один новый опыт.

– Ты меня бесишь, – доверительно сообщил Вадим, снова садясь рядом и отпивая еще глоток.

– Тоже новое чувство. – Я чокнулась с ним бокалом. – Сегодня наверняка день профилактики Альцгеймера.

Он смотрел за окно на шикарную ночную Москву и о чем-то думал. Я все не решалась попробовать виски и вот только собралась отпить крохотный глоточек, как Вадим внезапно повернулся ко мне:

– Слушай, иди ко мне работать!

Я, блин, от неожиданности отхлебнула половину! Жидкий огонь промчался по глотке, воспламеняя все по пути, я задохнулась и долго не могла набрать воздуха в легкие, и не сразу, далеко не сразу отдышалась, чтобы расхохотаться и снова захлебнуться уже смехом:

– Бинго! Я у тебя сегодня на собеседовании и была!

Собеседование

– И что, и кем? – Он посмотрел на мой пустой бокал и направился к бару, оглядываясь: – Давай, рассказывай, что там было, люблю комедии.

Тоже мне, нашел личную стендап-актрису. Но сейчас, из уже перевернувшегося с ног на голову мира, мое собеседование реально выглядело комедийным шоу.

– Ну, вначале меня встретила девушка с ресепшна, такая пухлогубая блондинка.

– Элеонора. – Вадим принес всю бутылку и долил мне немного, а себе полный бокал. – Лед надо?

– Серьезно?

– А что? Я со льдом люблю. Или ты про Элеонору?

– Вот такая девица с кудрями и губами на ресепшне, должность «секретарь» и зовут Элеонора?

– А что такое?

– Ты ее паспорт видел? Может, псевдоним?

– Нормальное имя, не понимаю, что...

– Ладно. Потом пришла другая, темноволосая и зализанная, в юбке. В очках таких, как строгая училка из порнухи.

– Это глава кадров.

Он помолчал, отпил из бокала. И тогда уже добавил, не глядя на меня:

– Розалина.

– Да ты шутишь!

– Ну что такого? Нормальное имя.

– Одну куклу-секретаршу зовут Элеонора, другую Розалина. Совершенно случайно. Ты их сам принимал на работу?

– Да, – стиснув зубы, выдавил он.

– И квартиру купил с сиреневым потолком. Вкус у тебя, конечно, безупречный... – Я откинулась на диване и потянулась.

– И пригласил домой девушку с сиреневыми волосами... – Его ладонь скользнула по животу и почти легла мне на грудь.

– Тут вкус тебя подвел, – сообщила я, смахивая его руку, как случайно упавший, ну, например, листик.

– Чем тебе не нравится вообще моя квартира? – Ладонь упорно вернулась на живот.

Вадим даже стакан поставил на пуфик, чтобы не мешался.

– Слушай, боюсь представить, сколько стоит такая безвкусица, – доверительно посмотрела я ему в глаза.

– Сто миллионов, – ответил он спокойно.

– СКОЛЬКО?! – Я дернулась и пролила на себя виски. Наверняка дорогой. Надеюсь. Теперь мой любимый свитер будет носить на себе пятно от дорогого виски, а не какого-то пошлого кетчупа. Это должно быть новой модой – пятна от дорогой еды. Черной икры, устриц, трюфелей. Как разодранные джинсы, такой же псевдонищенский тренд, но демонстративно богатый. О чем я думаю? О чем? У меня мозг от таких цифр пытается защититься, что ли?

– Ну, девяносто шесть на самом деле.

– Да, какая мелочь, разница в стоимость моей квартиры.

И вот этот ужас – сто лимонов... У богатых свои причуды.

– А ты бы что на них купила?

– Дом в Лондоне. – Я даже на секунду не задумалась.

– Далеко на работу ездить. – Он посмотрел на меня с серьезным видом. – Пробки под Ла-Маншем. А тут пять минут, если лифта не очень долго ждешь.

– Это если работать в офисе.

– Ты тоже теперь будешь работать.

– Кем?

– А на кого ты собеседовалась? И почему тебя не взяли, кстати?

– Ну а как ты думаешь, почему? – Я тряхнула головой. – Сказали, что сиреневые волосы – это, во-первых, неприлично, во-вторых, инфантильно, в-третьих, свидетельствует о моей недисциплинированности.

Кажется, меня развезло от виски, потому что вдруг стало страшно себя жалко. Я такая хорошая, опытная, творческая, могу быть трудоголиком, все равно домой возвращаться не к кому, а меня не захотели брать паршивым...

– ...комьюнити-менеджером, кстати. Не понимаю, зачем вообще в офисе сидеть с такой работой и при чем тут приличия вообще... Можно же рекомендации получить, посмотреть на мое резюме. Я ведь справлялась, отлично справлялась. Ну почему меня не взяли? Я могу гораздо больше, чем

отвечать на форумах и обрабатывать жалобы, но я готова была делать даже это, потому что ваша компания, ну, как бы наследница нашей. Может быть, старые юзеры приходили бы...

Я неожиданно всхлипнула. Как говорила бабушка – слишком много смеешься, не пришлось бы плакать. Я тут веселюсь, а на самом деле я в полной жопе. И Вадим меня никуда, конечно, не возьмет. Прямо с утра и передумает, что я, мужиков не знаю? Спьяну мои друзья готовы и в Питер на собаках, и в Сочи на сноуборде, и в Тай с тремя пересадками, а наутро их в магазин за минералкой не выгнать.

Вадим потянул меня к себе, и я с неожиданной готовностью уткнулась в его плечо сопливым носом. Я старалась не всхлипывать, но рыдания были сильнее моих волевых решений, и я вздрагивала всем телом, пока он все крепче прижимал меня к себе.

А когда вдруг начал очень нежно и бережно гладить по голове, я сломалась и перестала держаться. Расплакалась в голос.

Он терпеливо ждал, гладил по голове, обнимал за плечи и позволял вытирать лицо о рубашку. Когда меня чуточку отпустило и стало как-то чудовищно неудобно, он тихо сказал:

– Теперь возьмут.

– Глупости же. Зачем это тебе?

– Никакие не глупости. У тебя глаза горели, когда ты про работу говорила. Люблю таких же психов, как я сам.

– Я бы отказалась из гордости, но очень кушать хочется, –

всхлипнула я и аккуратно освободилась от его рук.

Стыдно было – ужас.

– Но ты согласна? – Вадим посмотрел на промокшую рубашку, вздохнул, снял пиджак, наклонился и выдвинул ящик сбоку от дивана. Выудил оттуда пачку влажных салфеток и кинул мне.

Не хочу думать, зачем они ему там.

Нет, я лучше подумаю, что руки после чипсов вытирать, когда смотрит футбол по телику. И только для этого.

– Конечно, – кивнула я.

– Тогда завтра жду тебя на работе. – Он снова посмотрел на рубашку, поколебался.

– С нормальными волосами, в юбке-карандаше и на каблуках? – угрюмо спросила я. Если честно, я бы прогнулась. Вот совсем честно.

– Я что, похож на идиота? Нет, лично для тебя отменю дресс-код, если обещаешь не светиться, когда у нас будут важные клиенты. Но остальное – на общих условиях.

Вадим все-таки решился и стал расстегивать рубашку. Он собирается прямо при мне раздеваться? Кстати, запонки у него, и правда, были золотые.

– Договорились. – Вот сейчас я бы не отказалась от льда к виски – протереть опухшую от слез морду.

– Будешь завсегдаем Москва-Сити. Любоваться на небоскребы ночью и ругаться из-за кофе. Тогда поймешь меня!

– Да уж. – Я прерывисто вздохнула.

Спорим, это было одно из самых странных собеседований в мире?

– Ну что, теперь мы можем перейти к той сцене, где ты спишь со своим начальником? – Вадим наклонился ко мне в расстегнутой рубашке, под которой открывался вид на загорелую грудь и подтянутый живот, и мне – или алкоголю во мне – до одури захотелось провести по его коже кончиками пальцев.

Работа

Первый рабочий день на новом месте – всегда испытание. И хотя мой будущий начальник милостиво согласился, чтобы я приехала в одиннадцать вместо девяти, это не сильно помогло.

После того, как я спала всего пять часов.

После того, как я выпила три бокала виски.

После того, как Вадим посадил меня в такси в четыре утра. В их специальное элитное такси для жителей Москва-Сити, в котором все водители проверены ФСБ, частной охранной организацией и еще какими-то крайне секретными чуваками, не меньше, чем из британской секретной службы Ми-7, судя по пафосной рекламе. Если не наврала.

После того как я отказалась-таки идти в спальню, мотивировав тем, что у девушки должны быть принципы, а спать с начальством – последнее дело. Определенно, третий бокал виски был лишним – именно он заявил эту глупость.

Хорошее – я нашла самые строгие джинсы в своем гардеробе. Издалека их можно перепутать с брюками. И надела под них закрытые туфли на небольшом каблуке.

Плохое – на джинсах моя толерантность кончилась, и я напялила желто-черный полосатый свитер, который офигенно подчеркивает мой цвет волос. Ибо нефиг.

Совсем плохое – на макияж меня уже не хватило.

Капелька хорошего – это к лучшему, потому что у меня только сиреневая тушь для ресниц.

Вчера я уходила из этого офиса, стараясь держать спину прямо, но еще долго ощущала летящие в нее пули насмешливых взглядов.

Сегодня я возвращаюсь с улыбкой, и даже если она немного торжествующая и злорадная, кто меня может в этом винить?

Прекрасная блондинка Элеонора на ресепшне при виде меня с удовольствием скривилась бы, но, к счастью, вовремя вколотый в нужные мышцы ботокс лишает человечество этого зрелища. Она двумя пальчиками вынула у меня из рук визитку Вадима и кивнула:

– Да, мы вас ждали. Сейчас я достану анкеты.

И убежала куда-то на своих безумных каблуках. В этот момент я ощутила еще немного превосходства, потому что все эти юбки, каблуки и колготки меня не касаются. Как я удачно и вовремя поплакала в большого босса! Надо было в школе на выпускных начинать.

На самом деле офис «Небыюлы» выглядит совсем не как офис моей мечты. Это огромное помещение, целиком превращенное в опен-спейс.

Столы отделены друг от друга прозрачными перегородками, которые вообще не спасают ни от взглядов, ни от шума. Белые жалюзи на окнах, скрывающие единственное, ради

чего стоит ходить в этот человеконик – роскошный вид на Москву.

Светло-серые стены.

Темно-серые колонны.

Черные полы.

И работники выглядят под стать – вся гамма от черного до белого, словно кто-то в живом фотошопе перевел мир в режим градаций серого.

И среди них я. Надо завтра красные джинсы надеть, пусть у них буфер впечатлений переполнится.

С другого конца зала, где маленькая черная лесенка ведет к единственному закрытому помещению, появилась Розалина. И хоть лицо ее так же профессионально бессмысленно, как у накачанной токсинами Элеоноры, злые глаза не спрятать никакими достижениями индустрии красоты.

– Трудовая книжка с собой? ИНН? СНИЛС?

– И необязательно сразу вызывать дьявола этими страшными словами, – пробормотала я, вытаскивая документы. Я уже ознакомилась с подsunутой Элеонорой анкетой и теперь не уверена, что так уж хочу тут остаться. Зачем им знать о моих родственниках за границей? И о том, какие у меня планы на пенсию? Мне бы дожить...

И еще меня очень привлекала та дверь в конце зала. Там ведь кабинет Вадима, я правильно понимаю? Он ведь выйдет? Интересно, он уже принял утреннюю дозу кофе?

Народ вокруг меня изо всех сил старается шептаться по-

тише, но устройство офиса не дает ни малейшего шанса пропустить мимо ушей их любопытство:

– Та самая?

– Он ее на спор принял?

– Слушай, реально фиолетовая!

Да божечки-кошечки, 2019 год, как говорил Вадим, столица и самое понтовое место в столице, почему вокруг меня ажиотаж, как в деревне девятнадцатого века?

– Пойдемте, покажу рабочее место. – Розалина разглядывала мою анкету и поджимала губы на каждом втором вопросе.

Будь ее воля... было бы, как вчера. Но сегодня это все лишь формальность и попытки меня запугать.

И мое рабочее место оказалось в самом углу, да еще и за колонной. Не знаю, распорядился ли так Вадим или повелительница здешних пространств решила запихнуть меня туда, куда солнце не светит – буквально! – но тут меня действительно почти невозможно увидеть. Если еще бейсболку надеть, совсем хорошо будет. А лучше хиджаб.

– Вон та дверь ведет на кухню для сотрудников, пожалуйста, вся еда только там, на рабочем месте разрешены чай и кофе. Туалеты в коридоре направо от лифтов. Чуть позже к вам подойдут технические специалисты, чтобы настроить доступ.

А начальство не подойдет? Впрочем, я же сама выбрала вариант «только рабочие отношения». Именно в этот мо-

мент черная дверь распахнулась:

– Роза, что у меня на столе заявление какой-то Татьяны Чернышовой делает? Кто это такая? Я же сказал...

Чудовищно взъерошенный и невыспавшийся Вадим. С огромной чашкой кофе, запах которого моментально разносится по всему помещению. Мог бы не мучиться и сразу капельницу с кофеином ставить.

Блин, почему я так на него пялюсь, как будто мои глаза изголодались по этим губам, по ядовитой кривой ухмылке? По прозрачным глазам, очерченным черными ресницами? По бардаку на голове, – аж пальцы зудят, так хочется запустить их в его лохмы?

– Это я, – сказала я, делая шаг вперед.

По выражению лица Розалины было видно, что ей хотелось броситься и защитит от меня своего босса, как тренированному телохранителю президента во время покушения.

Ой, что будет! Кажется, я одна такая принципиальная насчет служебных романов.

– Татьяна? – приподнял он бровь, глядя на меня.

– Не люблю имя Таня, сокращаю до Яны.

– Ты – как всегда. – Ох, эта его усмешка.

Я, наверное, тысячу раз пожалею, что не осталась ночью.

– Я – как всегда, – кивнула я и опустила глаза.

– Ну работай, – мягко сказал Вадим и поднялся обратно на свой Олимп.

А на меня теперь смотрел весь офис. И всем было страшно

интересно, что еще у меня как всегда.

Я уползла в свой угол, в глубокую нору, стараясь не чешаться от настырных взглядов. У меня тут пароль от рабочей учетки, пароли от форумов, админка, с которой надо разбираться, трекер рабочих задач, соцсети, к которым пока написан план, но дальше надо самой, и вообще все то, что я люблю, включая рабочую задачу сочинить ивенты на весь год. Некогда рефлексировать, прыгать надо!

И от работы меня в следующий раз оторвал только голод. К счастью, на кухне оказался автомат с сэндвичами, и я купила свой любимый, с лососем и яйцами. И только откусила самый первый кусок со вкусом заслуженного вознаграждения, как напротив за столом нарисовалась Розалина. И ровно тем самым голосом строгой училки из порно – с придыханием и хрипотцой – поинтересовалась: – Спала с Вадимом?

Три ведьмы

Вот я всегда знала, что моя судьба – получать по ушам за то, что я даже не сделала, хотя очень хотела.

Вот, помню, утащила у бабушки из шкафа конфеты, так ведь даже не успела съесть...

Хотя нет, плохой пример.

Я Вадима ни у кого не воровала, хотя работу действительно получила за красивые глаза.

– Давай с тобой дружить? – предлагает мне Розалина. – Можешь звать меня Лина.

– По-моему, это работает где-то до пяти лет, потом требуется что-то посерьезнее, чем просто сказать «давай дружить», – пробормотала я. – Хотя бы жвачкой угостить...

– А еще это работает в компаниях, где «дружить» означает не портить друг другу жизнь и соблюдать некоторые правила, – жестко сообщила мне милашка Лина.

Так я и знала, что тут какой-то подвох. Ой как мне захотелось обратно в нашу маленькую конторку, просто сил нет.

– Ни с кем я не спала, – решила я покаяться в своей глупости. – Вадим просто оценил мой опыт и...

– Опыт, значит... – прошипела она.

Ой, все.

– Вы наверняка читали мое резюме. – Я посмотрела на наполовину съеденный сэндвич и поняла, что аппетита больше

нет.

Я покосилась на эту змею. Какая у нее талия! Это логично же, у змей отличные талии. А тут полное гнездо отменных гадюк. Если вспомнить, что мужчин в офисе я почти не видела, становится страшно за свою жизнь.

Глаза Розалины за стеклами очков кажутся невероятно злыми, как будто она слышит мои мысли.

– Я сейчас не про резюме. Давай объясню тебе правила этого офиса. Вадим – привлекательная добыча. Все мы там были. Красивый, умный, небедный, – чеканит Розалина слова.

Насчет умного я бы тут остановилась и поспорила, но, возможно, прямо сейчас это не совсем уместно. Поэтому я промолчала, покивала и дальше гипнотизирую сэндвич. Кажется, я больше никогда не буду есть сэндвичи с яйцами и красной рыбой. Жалко, они были мои любимые.

Но прямо сейчас у меня образуется психологическая травма, и сэндвич проходит как свидетель.

– Твою ошибку совершили уже многие. К чему это привело? У него удобный диван в офисе, большая кровать в квартире...

«А потолок, потолок вы видели? – мысленно ору я. – А туалет?»

Мне надо с кем-то поделиться. У меня от его туалета тоже психологическая травма.

Ну, может, еще немного заедает, что она видела его кро-

вать, а я нет.

– Но после того, как ты поймешь, что для Вадима ты – проходной вариант, тебе будет очень, очень больно. Этот человек женат на своей работе. Его интерес почти ко всем женщинам длится максимум до утра. Так что, пока ты тут будешь по нему страдать, все будет очень плохо сразу по нескольким пунктам: Вадима будут бесить твои красные глазки и провисшие рабочие задачи, а нас, всех тех, кто тоже обжегся на нашем плейбое, будет радовать твое состояние. Если не нам, то никому.

Я уже говорила про змеюшник?

– Так что в твоих же интересах забыть все то, что уже было, и на большее не претендовать. Так ты хотя бы сохранишь работу. Покрывать твои косяки никто не будет, а Вадим не любит держать бесполезных работников. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Если бы я была Розалиной, я бы взволновалась, глядя, как сумасшедшая с сиреневыми волосами после такой отповеди нервно вертит в руках зубочистку. Но у змеюки нервы, как канаты. А я миленький котик, который умеет только язвить и вообще не готов к войнам даже за самого прекрасного босса. Так что я кивнула и промолчала. Надеюсь, на этом шоу закончилось.

Но нет.

Второй раунд.

К Розалине подседа Элеонора.

Так что я положила уставший сэндвич на тарелку и отпила свой чай. Мне понадобятся силы. И подкрепление, но это фантастика.

Больше всего на свете я хочу обратно к злобным и недозвольным всем на свете пользователям.

Но меня еще не до конца раскатали по офису, поэтому я смирилась и жду окончания «прописки» в змеюшнике.

Если к Розалине я местами несправедлива, то Элеонора реально выглядит, как ходячая реклама бьюти-клиники.

Нарощенные ресницы и волосы, надутые губы и грудь, застывшие мышцы лица и наверняка еще много достижений современной косметологии, которые я просто не замечаю.

Я невольно представила ее такую в интерьерах версальского сортира дома у Вадима, и она туда вписалась как родная. Может быть, у него действительно такие вкусы? Что я о нем знаю, в самом деле?

– Ты уже рассказала ей про диван в кабинете? – пытается растянуть на своем замороженном лице улыбку Элеонора.

Тошнит.

Сэндвич ехидно смотрит на меня.

Теперь я понимаю, почему тут, в офисе все такие худые.

– А это Лиза, личная помощница Вадима.

Пока я пыталась продышаться, к двум ведьмам – блондинке и брюнетке – присоединилась третья, рыжая. С розовой фарфоровой кожей, золотыми веснушками на курносом носике и сияющими зелеными глазами. Такая красивая, что ее

даже ненавидеть не получается.

Но почему Лиза, почему не Франсуаза или не Изабелла? Не выдержан стиль. Вот и гостиная у Вадима не дотягивала по «красоте» до туалета и холла.

Мне настолько не до смеха, что я даже с сэндвичем перестала переглядываться и обмениваться мнениями. Куда-то я не туда попала. Не в ту компанию – во всех смыслах. И не с тем мужчиной.

Блин, а я почти в него влюбилась!

Сидят такие три Иствикские ведьмы, смотрят на меня злыми, глупыми и красивыми глазами – каждая своими. Наблюдают, как в зоопарке. Наверняка я не первая наивная дурочка, прилетевшая на крыльях страсти к их обаятельному боссу. Самая, может, экзотичная, но уж точно не особенная.

И тут меня решают добить окончательно:

– Лиза – единственная, кто был в его постели больше одного раза. Удобство личной помощницы, понимаешь? Но она замуж не стремится, поэтому мы ее не обижаем, и ты тоже не смей. Все понятно?

И он еще меня называл ненормальной!

Проверка

Жалко, окна не открываются. Ладно, скормлю несчастный сэндвич птичкам по пути домой.

Я вернулась на свое место, выбросила все из головы и погрузилась в работу.

«Небьюла» объединяет несколько IT-компаний разных направлений: цифровая дистрибуция, хостинг, провайдеры в маленьких городах, малоизвестные соцсети и даже вкладывается в разработку искусственного интеллекта. У них всех есть свои службы поддержки и SMM, а для искусственного интеллекта еще и наняли сценариста, который будет его развлекать.

Почему это не я? Тем более, что офис у них в Сочи. Я бы не отказалась!

Я же массовик-затейник, жилетка для слез, груша для битья и психотерапевт для тех пользователей, которые добираются до аккаунтов основного холдинга. Я пролистала официальные страницы в Фейсбуке, Вконтакте, в Одноклассниках и более мелких Сетях. Везде скучные пресс-релизы с двумя лайками максимум. Но это пока я не открыла Инстаграм.

Потому что оттуда на меня выпрыгивает Вадим.

Вадим в деловом костюме – похоронно-черном.

Вадим в светло-сером.

В костюме в полоску.

Вадим в расстегнутой на груди белой рубашке и с розой в руке – подпись: «Всех любимых клиенток с 8 Марта!», пятьдесят тысяч лайков.

Вадим в рубашке-поло и брюках делает роскошный свинг на зелененьком гольф-поле. Второе фото из того же сета демонстрирует его задницу во время свинга – и брюки тут очень в тему! Семьдесят тысяч лайков.

Вадим с растрепанными волосами стоит у окна, за которым ночная Москва, и рядом виден край подушки. Это у него дома, что ли? Сто тысяч лайков и невыносимое количество сердечек.

Я на всякий случай перепроверила – это точно не его личный Инстаграм? Нет, официальный аккаунт холдинга.

Под каждым фото с Вадимом – скучный текст про растущие экономические показатели, количество подключенных к Интернету домохозяйств и отзывы счастливых владельцев мини-АТС.

Под каждым скучным текстом – сердечки, поцелуйчики, звездочки и пожелания, чтобы владелец «Небьюлы» подключил и им Интернет. Лично. Дважды. И разок с утра.

Не понимаю, зачем он покупал нашу компанию, если мог приехать в любой город, выйти на площадь, снять рубашку и спросить «Кому тут нужен хостинг?»

Купили бы даже те, кто и слова такого не слышал.

То есть вот этот Инстаграм я тоже должна поддерживать? Фотографировать Вадима с розочками и в расстегнутой ру-

башке? Вернуть его в профессиональный вид, похоже, уже не выйдет. Да и мало в мире аккаунтов айтишных холдингов с таким количеством подписчиков. Любопытно, все ли деловые вопросы он так решает?

Форум на главном сайте «Небьюлы» я оставила напоследок, потому что не ожидала от него сюрпризов. Расслабилась, наслаждалась работой – подбором фоточек, ответами, попутно составляла стратегию продвижения и писала план.

Работа меня успокаивала, заставляла забывать обо всем: о поцелуе, о поджаром животе, о взгляде прозрачных глаз – и о трех ведьмах, чье внимание на себе я чувствовала, даже не поднимая головы от монитора.

О том, что я попала в паршивое местечко. Мама мне всегда говорила: любовь бывает только с первого взгляда. С первого раза не взяли – не твое. Но, во-первых, не факт, что в среде торговки мороженым атмосфера будет теплее. А во-вторых, между любимой работой и самым волшебным мужчиной я всегда выберу работу.

Но сюрприз на форуме меня ждал. Это называется «смешанные чувства».

Пользователь по имени Стрелец, который на старой работе выпил у нас литров сто крови, доставал годами, звонил по утрам и в выходные на личные телефоны, подавал на нас в суд, часами висел на поддержке с однообразными запросами, завел тему, в которой в ключья разносит этот чертов холдинг. Грозит выпить всю кровь, подать в суд, звонить по

утрам и в выходные.

И все за то, что они купили нашу старую компанию. По его словам, мы были лидерами отрасли, душевными людьми, отличными профессионалами и умели работать. В отличие от «Небьюлы».

И хотя теперь мне придется разруливать этот скандал, к которому присоединяются и другие пользователи, среди которых полно знакомых, на душе все равно теплеет. Сволочи, но это наши родные сволочи!

Ужасно трогательно. Полгода назад я всерьез интересовалась, сколько стоит нанять киллера для Стрельца, а теперь готова его расцеловать.

Пока я удаляла самые экспрессивные посты и выписывала Стрельцу первый бан на новом месте, в службу поддержки пришла новая заявка.

Какой-то пользователь начинает с того, что интересуется, почему у меня в ответах столько ошибок.

Когда я вежливо и радостно рассказываю о противоречивых правилах пунктуации, он продолжает каверзные вопросы о размерах последней сделки «Небьюлы».

Я отбиваюсь коммерческой тайной. Потом он начинает занудно перечислять мелкие улучшения, которые мы могли бы внести по его просьбе.

Вежливо отвечаю, что непременно все передам руководству.

А под конец он жалуется, что подал заявку на подключе-

ние Интернета в Черкасске, уже неделю ждет, а наши спецы все не приходят.

Так, все. Хватит.

Следующим сообщением пишу:

«Вадим Сергеевич, вам лучше, чем кому-либо, известно об отсутствии у нас филиалов в Черкасске. Но это перспективный город, так что советую задуматься о расширении Сети».

«Как ты догадалась, что это я?» – пишет он с обиженными смайликами.

«Офисный IP, Вадим Сергеевич. Я же вижу, откуда пользователь пишет».

«Я debil, да?»

«Не знаю, как поступить. Согласиться с вами было бы неэтично, но и возражать самому главному начальнику тоже некорректно».

Тишина.

Через несколько секунд открывается черная дверь на Олимпе, оттуда показывается Вадим с суровым выражением лица и рычит:

– Чернышова! Зайди ко мне!

Ой.

Кофейный кредит

Под взглядами всего офиса я поднялась по черным ступенькам, как на эшафот. Или направилась из гарема в покои султана? Вадим посторонился, я закрыла дверь за собой, и сразу шумный опен-спейс отдалился на невообразимое расстояние, стало так тихо, что я слышала наше дыхание.

Больше здесь никого не было – пустой стол Лизы, мини-кухня с навороченной – а как же! – кофеваркой, кресла для посетителей. Дверь в кабинет Вадима, куда он и направился.

– Ты маленькая сиреневая зараза, ты в курсе? – проворчал он, пропуская меня в святая святых. Алтарные помещения «Небьюлы» были на вид так же тоскливы, как и весь остальной офис. Возможно, не все сотрудники понимают, почему начальство предпочитает такую жизнерадостную цветовую гамму, только те, кто удостоился визита к нему домой.

Я скрипнула зубами. Интересно, кто здесь не удостоился этой чести.

– Путь Офисного Самурая учит нас не перечить вышестоящим, Вадим Сергеевич, – опустила я глазки, проходя к начальству на ковер.

Ковер там действительно был – кроваво-красная дорожка, которая вела к овальному черному столу и кончалась за шаг перед ним. Здесь, видимо, и требовалось стоять нерадивым

сотрудникам – ждать, пока в полу откроется люк и они провалятся в колодец с кольями на дне. Отравленными. Ядом ведьм-змеюк.

На всякий случай я сошла с дорожки немножко заранее. Кто их знает, этих владельцев холдингов. Может быть, в оплату за аренду офиса категории ААА+ входят еще и подземные темницы. Бонусом.

Я обернулась к Вадиму, который уже включил харизму на полный ход, и тут мой взгляд совершенно некстати упал на диван в углу кабинета. Тот самый, надо полагать.

Сглотнула, проклиная свое слишком богатое воображение, которое моментально нарисовало мне несколько картинок из разряда 18+ с участием Вадима и Лизы. Как ее блузка распаивается, открывая почти прозрачную кожу, а его смуглая рука мнет ее, в то время как...

– А почему опять на «вы»? – Вадим подошел так близко, что заслонил мое внутреннее кино на диване. Несмотря ни на что, оно было таким увлекательным, что я чуть было его не отодвинула, чтобы не мешал. – В прошлый раз это помогло, посмотрим, как сегодня...

И он наклонился ко мне, обнял ладонями мое лицо и коснулся губами губ – очень легко и невесомо...

...так что мне не составило труда увернуться и даже почти перевести ситуацию в неловкое столкновение.

– Хорошо, Вадим. Я просто еще не усвоила. – Я скользнула в сторону, сделав вид, что ничего не произошло, и улыба-

нулась широко и радостно, как пионервожатая в лагере для детей – безнадежных оптимистов. – Хочу извиниться за свое непрофессиональное поведение. Первый рабочий день – всегда стресс.

Я продолжала улыбаться, как американский проповедник, и вообще изображать из себя крайне хорошего работника. Божечки, зачем? Отсюда ведь не ведется трансляция на мониторы трех ведьм? А то у нас в стране за распространение порнографии можно и сесть.

– Хочешь кофе? – Вадим будто бы не заметил моего идиотского поведения. Но и с места не сдвинулся, только засунул руки в карманы и покачался с пятки на носок, очень внимательно рассматривая выражение моего лица.

А куда ему идти – за свой стол? Сразу будет такая «начальник – подчиненная» ситуация, где я пришла просить прибавки, а мне отказали.

Или на диван? Там тоже будет «начальник – подчиненная» ситуация, но немного в другом смысле.

Я покосилась на диван и снова сглотнула – воображаемые Вадим с Лизой уже освоили самые примитивные позы и теперь перешли к разделам Камасутры для взрослых.

– Нет, спасибо, у нас на кухне отличный кофе, – отмахнулась я.

– У меня лучший кофе в городе, а Лиза умеет делать такие волшебные вещи... – он сделал незаметную крошечную паузу, которую еще сегодня утром я бы не заметила, – с ко-

феваркой, что получается напиток богов. Позвать?

– Нет! – Я аж дернулась. Живой Лизы нам тут не хватало. И волшебного кофе из ее... рук.

Вадим вновь смерил меня крайне внимательным взглядом.

А я опять покосилась на диван. Интересно же, что там происходит.

Хоть и в моей голове. Он перехватил мой взгляд и слегка нахмурился.

Надеюсь, он не подумает, что я намекаю? Как бы выбраться отсюда побыстрее, пока змеюшник за дверью не начал принимать ставки на то, чем мы тут занимаемся?

– Не хочешь попробовать лучший кофе в городе, пойдем спустимся на первый этаж и зайдем в ту кофейню. Лана передавала тебе спасибо.

Лана?

Неважно, главное – слинять из этого кабинета!

Выходя, Вадим замешкался перед ступеньками вниз и жестом предложил мне идти первой. Вот только сам остался стоять в проеме двери так, чтобы мне пришлось протискиваться мимо него.

Дешевый трюк.

Особенно на глазах всего офиса.

По-моему, там даже бумажками шуршать перестали и разговоры стали на порядок тише.

Я похвалила себя за то, что после увольнения не бросила

фитнес и не начала есть булочки, и между мной и Вадимом еще оставалось некоторое пространство, и я не задела его, протискиваясь мимо. Ожидала даже, что Вадим сейчас разнообразит шоу и прижмет меня к косяку всем телом, но он очень умело делал вид, что это действительно случайность.

К лифтам мы проследовали, как знаменитости по красной дорожке под вспышками камер и острыми взглядами. Кажется, мне досталось даже больше. И спина зачесалась, так ее сверлили чьи-то недобрые глаза. Дорого мне этот кофе обойдется, чувствую.

Вчерашняя девочка-бариста чуть не перепрыгнула через стойку, чтобы броситься Вадиму на шею:

– О, Вадим! Здорово, что зашел! Хозяин сказал, что это гениальная идея, так что у нас с сегодняшнего дня можно открыть депозит и для самых лояльных клиентов – кредит! Приходи пить кофе вечером обязательно!

– Я предложил сделать программу лояльности – кладешь им на счет побольше денег и больше не страдаешь, что карта не работает, – вполголоса пояснил мне Вадим, обнимая за талию. – Кстати, на твое имя депозит я тоже открыл.

– Все-таки не дал мне заплатить за свой кофе, да? – Я аккуратно убрала его руки, но он вернул их обратно. – Вадим!

– Что? – Прозрачные глаза насмешливо сощурились – он наблюдал за моей реакцией.

– Вадим, давай останемся друзьями! – произнесла я самую банальную фразу в мире.

Бариста за стойкой ахнула и уронила чашку.

Яркая птица

Как переменчивы симпатии юных дев! Вчера она на меня смотрела, как на последний вертолет, спасающий ее с крыши домика, окруженного голодными зомби, а сегодня, услышав, как отшиваю Вадима, смотрит, как на Гингему и Бастинду в одном лице. А на Вадима с жалостью и сочувствием. И даже мой кофе с двойным эспрессо и банановым сиропом отдает с таким лицом, будто с удовольствием вылила бы мне его на голову.

– Лиза готова убивать тех, кто добавляет сироп в кофе. Это, дескать, полностью уничтожает его вкус. Ее отец – владелец сети кофеен в Италии, у них кофе вместо религии, – сказал Вадим, когда мы вышли на улицу подышать. Тут еще светло и никакого звездного неба мне не светит, но я думала, сейчас будет серьезный разговор...

– Она красивая, – нейтрально сказала я, напряженно думая, как бы уточнить у него, понял он мою идею или опять будет зажимать на глазах всего офиса.

– Кто? – Вадим оглянулся в сторону кофейни. – Нет, слушай, я даже думать об этом не хочу, ей лет шестнадцать.

– Я про Лизу, – уточнила я.

– А... – Он кивнул. – Да, красивая.

И снова отпил кофе, глядя на желто-синее московское небо прозрачным прищуренным взглядом.

– Ты ведь понял...

– Да понял я, понял, не дурак же, – прервал Вадим, не глядя на меня и сжимая кофейный стаканчик. – Я не понимаю только, почему. Вроде все нормально шло. Ну не можешь ты в наше время всерьез заморачиваться такой ерундой, как неприличность служебного романа. Тем более что мы на работе и не пересекаемся почти. Но нет так нет. Я тебя на работу не ради постели позвал.

У меня прямо гора с плеч упала. Оставив, конечно, некоторую потертость – как это он так легко от меня отказался? Разве не я самая волшебная женщина в мире, за которую надо бороться до последнего иска за харрасмент? Но в целом меня устраивало. Красивых одноразовых мужиков много, а хорошей работы мало.

– Кофе-то пить мы будем? – Он повернулся и посмотрел на меня, подняв одну бровь. Взгляд был насмешливый и немного печальный. Но это наверняка виноват сегодняшний меланхоличный вечер.

– Кофе можно, – кивнула я.

– Хорошо.

И мы снова замолчали, любясь носящимися между небоскребами стремительными стрижами. Их крики в пустоте города звучали печально и немного одиноко. Такое вот одиночество большого города у подножия офисных зданий, в которых тысячи и тысячи людей.

Наверное, это немного странно – стоять и просто мол-

чать с человеком, которого еще сутки назад не знала, но за это время успела выбесить, выбеситься, поцеловать, почти влюбиться, изревновать и отказаться от него, а потом подружиться.

Мы синхронно потянулись выбросить стаканчики от кофе в урну... но ее не было вчера, не было и сегодня. Переглянулись, улыбаясь:

– Все, давай возвращаться, работа же.

Я кивнула.

На выходе из лифта Вадим взгляделся в стеклянные лабиринты офиса и нахмурился:

– Оу, слушай, кажется, наши дойче-партнеры пожаловали. Я думал, их дольше задержат. Вот это тот самый случай, когда ты тщательно прячешься, ага?

– Ага.

Я проскользнула по офису, как ниндзя, не нарушив ни взглядом, ни шорохом покоя высоких гостей, и затихарилась за своим компьютером. Даже склонилась пониже. Тревожно огляделась – где там змеюки? Элеонора сидела с парадным видом на ресепшне, а Лиза и Розалина суетились где-то там в переговорке, традиционно открытой взглядам всего опенспейса. Там же у экрана о чем-то рассказывал группе блондинистых бизнесменов Вадим, опять засунув руки в карманы делового костюма.

Прямо хотелось ему намекнуть, что так делать не надо: раз уж стесняешься своих неформальных сотрудниц, то и сам

соответствуй. Но мы ведь не настолько уже друзья?

Или настолько?

Я нашла его номер в телефоне, открыла мессенджер, но так и не решилась ничего написать.

Вздыхнула, поглубже задвинула стул за колонну и вернулась к своим любимым пользователям.

Меня ждал план постов для социальных сетей, который надо было допилить с учетом особенностей аудитории каждой из них...

...но продлилось это недолго.

Потому что у кофе есть одна неприятная особенность.

Очень неприятная, когда тебе нужно прятаться от серьезных партнеров твоего босса, с которым ты чуть не переспала.

Очень.

В общем, мне надо было в туалет.

А для этого пришлось бы снова пройти через весь офис к лифтам. В том числе мимо переговорки, в которой уже никто не смотрел на Вадима, все спорили между собой, рисовали на белой доске графики и писали страшные полуметровые слова на немецком.

А я прямо совсем не могла уже терпеть.

Вот минут десять бы еще потерпела, но ведь непонятно, когда они собирались заканчивать.

Блин, ну что за глупость, я действительно не могу выйти в туалет, потому что меня нельзя показывать нормальным людям?

Что за бред!

Я отважно дождалась, пока все отвернутся, и почти что бегом прошествовала через офис. Столько страданий из-за туалета, прям как в первом классе!

Пообещав себе, что непременно поговорю об этом с Вадимом, пусть в следующий раз пишет мне сообщения, когда можно уже выбираться на свет божий, я поспешила обратно, надеясь проскочить опасную зону побыстрее.

Но прямо на входе в офис с размаху воткнулась в высокоблондина с темно-кариими глазами.

Ой, еще один породистый!

– Entschuldigen Sie bitte! – выругался он страшными словами. – I'm so sorry! Простите, пожалуйста!

– Поняла два из трех, – пробормотала я и попыталась продолжить свое бегство, но на его лице уже растекалась улыбка, а брови ползли вверх. Он протянул мне ладонь для рукопожатия. От неожиданности я тоже протянула руку:

– Что?..

– Я шел и думал, какое тут все вокруг ужасно скучное, а вдруг вы – такая яркая. «Как диковинная птица». – По-русски он говорил с жутким акцентом, но говорил! – Простите еще раз, что помешал вам, но я был настолько поражен тем, как вы выделяетесь на фоне этого места, что не успел отойти. Вы ведь простите мне это?

– Я прошу вам эту банальность, только если вы не выдадите боссу, что видели меня, – предложила я ему честную

делку.

Герард

– А почему я не должен вас видеть? – удивился он.

– Потому что я чересчур диковинная птица.

В его темных глазах зажглись опасные огоньки делового человека:

– Я не выдам вас боссу, если вы дадите мне свои контакты.

– Зачем вам мои контакты? – моментально напряглась я.

Хотя почти двухметровый блондин – это оооо! Что, если попросить с ним селфи сделать? И выложить в Фейсбуке всем назло!

Странно, при виде Вадима у меня таких мыслей не возникало.

– Когда меня утомит самая скучная в мире черно-белая гамма этого делового центра, я бы хотел увидеть что-нибудь яркое. И красивое, – открыто улыбнулся он.

Я смотрела на его искреннюю улыбку и думала: «А ведь мутить с партнерами мне не запрещали, да? Только на глаза нельзя показываться. Так я за это отсижу, если надо будет...»

И продиктовала ему номер.

Он потыкал в экран телефона, и в кармане звякнуло сообщение из Телеграма.

Пользователь Gerard прислал мне смайлик. Я послала ему в ответ сердечко, приложила палец к губам и все-таки метнулась обратно на свое место. Мое отсутствие и короткую

беседу никто не заметил.

Да и, к счастью, змеюшник был не в курсе нашего договора с Вадимом.

Не успела я погрузиться в свои дела, как телефон коротко прожужжал.

Gerard: Вернулся на совещание. Все такие тоскливые и серьезные. Только у меня хорошее настроение.

Yana: Столкнулся с нарушительницей порядка и обрадовался? А как же орднунг?

Gerard: Никаких противоречий. Все должно быть по порядку, в том числе цвета радуги.

Yana: Сиреневого в радуге нет.

Gerard: Будете фиолетовым.

Я улыбнулась, выглянула из-за колонны. Вадим, еще более взъерошенный, чем обычно, очень эмоционально что-то доказывал все таким же невозмутимым блондинам. А самый двухметровый сидел в сторонке и пялился в телефон.

Gerard: Ваш босс вообще улыбаться умеет?

Я вспомнила кривую улыбку Вадима, и как она сразу освещает мир вокруг, и как хочется все ему отдать, лишь бы он продолжал улыбаться. Да, зря он в переговорах ее не использует.

Yana: Умеет.

Gerard: А его секретарша? У нее очень строгий вид. А еще рыжая. Ведьма!

Упоминание Лизы меня вообще расстроило. Ну нормально, второй симпатичный мужик за два дня и тоже на нее пялится. Ну вас на фиг.

У меня тут на форуме Стрелец опять бесится, банхаммером махать устала. В Инстаграме девки передрались, выясняя, трусы какой марки носит Вадим. И наших техников не пускают в дата-центр в Тюмени, и почему-то это моя проблема.

Gerard: Меня ваш босс только что прожал на условия, которые я принял только ради вас:))

Yana: Это же надо так любить сиреневый.

Gerard: На самом деле мне больше понравился ваш свитер. Вы в нем, как Фредди Крюгер.

Yana: Я смотрю, дружественный немецкий народ умеет делать девушкам комплименты.

Gerard: Прячься, мы выходим!

Я сделала вид, что мне что-то очень нужно в нижнем ящике стола. Для конспирации даже открыла его. Нашла там индийского тряпичного слоника и засохшую розу. Интересно,

кто тут до меня сидел?

Во втором снизу обнаружилось штук тридцать пакетиков фруктового чая. Все разные. В следующем – распечатанные презервативы и несколько заявлений на увольнение без имени и даты. Так увлеклась раскопками, что вылезла, только когда телефон снова зажужжал:

Gerard: У вашей девушки на входе губы такие надутые, что хочется ткнуть в них иголочкой, чтобы лопнули.

Yana: У нас в школе учат, что Германия – страна серьезных и скучных людей.

Gerard: Яна, Берлин – столица вечеринок!

Вадим как ушел провожать партнеров, так и не вернулся. И Лиза тоже. Я заметила, что не я одна время от времени поглядываю на вход в офис и лифты. Чем они там занимаются-то?

Мой телефон принес ответ:

Gerard: Нас везут в ресторан «Медвежья охота». Успокой меня, скажи, что это охота НА медведей, а не медведей на нас. Я плохо знаю русский.

Yana: Ты когда-нибудь был в России 9 мая?

Gerard: Нет. А надо?

Gerard: Яна?

Gerard: Яна, какое это имеет отношение к моему вопро-

су, я волнуюсь, Яна!

Yana: Нет, нет, просто спросила, ну, знаешь, разговор поддержать.

Gerard: Но ПОЧЕМУ после моего вопроса?

Gerard: Что ты мне недоговариваешь? Мне отказаться от ресторана?

Yana::)

До конца моего первого рабочего дня осталось два часа. Я выживу. Теперь точно выживу. Но это самый длинный рабочий день в моей жизни.

Gerard: Я стою на Красной площади и не понимаю, почему они запретили тебе появляться при клиентах? Твой босс раньше видел собор Василия Блаженного?

Yana: Уверена, что в детстве – обязательно.

Gerard: И после этого он шокирован твоими волосами? В Берлине у каждой третьей зеленые волосы.

Yana: Видел бы ты его потолок...

Gerard: А что с потолком?

Yana: Молчу. Это конфиденциальная информация.

Gerard: Это какой-то фразеологизм? Метафора? Я знаю, что слово «пол» в русском значит и мужчину или женщину, и покрытие под ногами. Потолок тоже наверняка используется в переносном значении.

Yana: Не надо никак использовать потолок, иначе я начну

думать про Германию хуже, чем она есть. Достаточно того, что вы подарили нам такое понятие, как немецкие фильмы.

Gerard: А что не так с немецкими фильмами?

Yana: В них кричат – Ja! Ja! И много других интересных слов.

Виталий Иванович: Веселишься, Яночка?

О черт, я не заметила, что Виталик написал мне «привет», и послала ему сообщение, которое предназначалось Герарду. Почему-то ужасно противно. Почему я его не заблокировала?

Yana: Это просто приятель.

Виталий Иванович: Быстро же ты нашла мне замену.

Yana: А ты планировал вернуться?

Виталий Иванович: Уже неважно, Яна. Ты, как всегда, все испортила.

Yana: Я устроилась на работу.

Виталий Иванович: Молодец. Напиши, если пройдешь испытательный срок.

Yana: Без испытательного.

Виталий Иванович: Шарашкина контора. Развалится, как твоя.

Gerard: Яна? Я что-то не то спросил?

Yana: Прости, мне тут бывший бойфренд написал.

Gerard: Не знаю, хороший он или плохой, но советую чер-

ный список.

Яна: Ты прав.

Виталий Иванович: Я всегда прав.

О черт, опять все перепутала!

– Яна, ты планируешь сегодня работать или это такой план показать свой профессионализм, зависая в телефоне в рабочее время?

Розалина подкралась из-за угла. Я свернула чертов Телеграм и открыла форум, на котором меня ждала новая пахучая кучка от Стрельца.

Gerard: Мы с твоим боссом и его секретаршей едем на весь вечер по московским клубам. Наверняка они ужасно скучные. Уверен, что ты на работе отрываешься вовсю.

Бан! Бан! Бан!

О да, я отрываюсь.

По клубам они едут. С Лизой.

Почему в реальности я не могу взять такой же большой и тяжелый молоток и...

– Яна, ты...

Я подняла голову и посмотрела на Розалину исподлобья и с такой мрачной улыбкой, что вопрос застрял у нее в горле.

Бомба

Всю первую неделю, возвращаясь домой после работы, я от усталости засыпала прямо в ванне. Все-таки после почти семи лет на одной работе в маленькой компании и уютном офисе в «Небыюле» было чудовищно нервно.

Полтора часа от дома до офиса с двумя пересадками на метро. Пара сотен человек в огромном помещении. Часть из них – злобные гримзы, которые только и следят, где я на-косячу. Это было непривычно после работы, на которой все считали наше дело общим, а значит, помогали тем, кому было сложнее.

Паршивая еда. Я, конечно, назначила сэндвичи с сыром и ветчиной своими новыми любимыми сэндвичами, но они не шли ни в какое сравнение с бизнес-ланчами в маленьком кафе у нашей старой работы. Там нас все знали, мне готовили салаты без зелени, Тамаре Васильевне оставляли блюда без грибов, а Мишу предупреждали, если в еде был лук.

Запрет на неформальное общение с пользователями. Официальный аккаунт головной фирмы должен быть официально-скучно-строгим, даже если это Инстаграм, в котором фотография гендиректора в обтягивающем гидрокостюме иллюстрирует пресс-релиз об открытии филиала в Крыму. И вместо моих дурацких шуточек и замороженной психотерапии приходилось использовать официальный тон, ко-

торый только бесил людей. Им хотелось, чтобы им посочувствовали и решили проблему, а я могла только пересказывать параграфы из памятки для техподдержки.

Но хорошее тоже было. Выходя с работы, я всегда останавливалась и несколько минут любовалась рукотворным звездным небом небоскребов Москва-Сити, с которого все началось. Невероятно – но этот вид мог скрасить мне даже самые грустные дни. Иногда я покупала кофе с банановым сиропом в той самой кофейне. Несмотря на то, что бариста Лана напоминала мне об открытом депозите, я упорно платила за свой кофе сама.

И начинала понимать, почему Вадим в тот день был такой взвинченный. Он действительно работал какое-то безумное количество времени. Когда я приходила в офис, он уже был в своем кабинете, когда уходила, даже задержавшись, у него все еще горел свет. Правда, я еще ехала домой, а ему пять минут от стола до кровати, но иногда я задумывалась: «Зачем нужно столько денег, если тратишь ты их на то, чтобы как можно комфортнее не отвлекаться от работы?»

Кстати, от работы он не отвлекался даже для того, чтобы исполнить обещание пить со мной кофе. Однажды я даже послала ему эмоджи с чашечкой, чтобы намекнуть. Он прочитал сообщение, но ничего не ответил.

Зато с утра на моем столе обнаружился стаканчик с кофе, подписанный «Яна».

Я попробовала его – банановый капучино.

Ага.

Взяла телефон и сначала хотела написать, но оглянулась – я приехала чуть раньше, и в офисе было совсем мало народу – и нажала вызов:

– Здравствуйте, уважаемый генеральный директор! – начала я.

– И владелец, – поправили меня в трубке.

– Что? – Я не поняла.

– Ты забыла, что я еще и владелец. Мне кажется, это важно для женщин.

– Я не женщина, я комьюнити-менеджер.

– Тем более. Так что у вас стряслось, женщина-комьюнити-менеджер?

– Мне кажется, у нас тут бомба.

– Почему вы так думаете?

– На моем столе неопознанный предмет. Я его не приносила, опознавательных знаков на нем нет, поэтому я боюсь, что...

– Совсем никаких опознавательных знаков?

– Ну, тут написано «Яна».

– То есть твое имя. Круг подозреваемых сужается.

– До кого?

– До тебя.

– Я принесла в офис бомбу, положила себе на стол, подписала и позвонила тебе?

– Конечно.

– Как-то излишне привлекает внимание.

– Яна, ты во что сейчас одета?

– Ээээ.

Я посмотрела на себя.

– Уважаемый генеральный директор, вам не кажется, что подобные разговоры уместны в более интимной обстановке?

Смешок.

– Я, конечно, могу повторить вопрос вечером, если ты настаиваешь.

Он что, со мной флиртует?

А я что – с ним флиртую?

Так.

Что-то это все не туда ведет.

– Белые джинсы, синяя футболка.

– И все?

– Вадим!

– А что такое ярко-алое мелькало в твоём углу?

– Кардиган, а то от кондиционеров холодно.

– Вернемся к вопросу привлечения внимания...

– Я поняла, уважаемый генеральный директор... и владелец компании. Конечно, я просто ошиблась.

Я отключила телефон, хорошенько подумала...

И в обед спустилась в супермаркет на первом этаже здания. К счастью, там нашелся и уголок, где запаковывают подарки. Так что мой сюрприз я передала Вадиму аккуратно завернутым в блестящую золотую бумагу с бантиком на гла-

зах у всего офиса.

Через пять минут в мессенджер свалилась эмоджи в виде Очень Злого Демона.

В упаковке была целая лента пакетиков растворимого кофе, как я и обещала когда-то.

Наутро на моем столе меня ждала аккуратная прозрачная коробочка, внутри которой пряталась круглая бомба с горящим фитилем...

Как оказалось после тщательной органолептической экспертизы с привлечением ложечки – состояла она из малинового мусса, покрытого горьким шоколадом, а в самой серединке пряталась совершенно бомбическая жидкая соленая карамель. Саперов я решила не вызывать – самой было мало.

В один из выходных в гости заехал Виталик, чтобы забрать вещи. Вещей тех было – гитара без струны, на которой он собирался учиться играть, стопка учебников по программированию, которому он собирался научиться, чехлы для телефонов с алиэкспресса, которыми он собирался торговать в свободное время, да набор инструментов, потому что он собирался починить мой кондиционер.

– Ты – женщина, на которой я собирался жениться! – заявил он пафосно. – Но ты не оправдала моих ожиданий, не смогла поддерживать высокую планку жены политика...

– Которым ты собирался стать? – закончила за него я. – Виталик, ты такая прелесть! Ни одна женщина тебя недостойна, хорошенько это запомни, пожалуйста!

Надеюсь, они тоже это вовремя поймут и сбегут.

Герард тем временем вернулся в Германию и присылал фотографии каждой девушки с сиреневыми волосами, которую встречал в Берлине. Через некоторое время мне начало казаться, что сиреневый – самый распространенный цвет волос, а все блондинки и брюнетки какие-то странные и наверняка просто хотят привлечь к себе внимание необычным видом.

В один прекрасный вечер на работе случилась катастрофа.

Я планировала еще пару часов посидеть с накопившейся текучкой и пойти на встречу со своими бывшими коллегами. За прошедшие месяцы мы почему-то так друг по другу соскучились, что решили устроить постмортем корпоратив – этакий тимбилдинг после того, как соединявшая нас компания закрылась.

Мы договорились встретиться в одном из ресторанов в Москва-Сити, благо всем оказалось недалеко добираться. Но до ужина я не дожидаясь – голод явился ко мне раньше. Чтобы никого не убить и еще что-то соображать, надо было поесть.

Я стояла перед автоматом с сэндвичами и отчаявшимся взглядом обводила ряды упаковок с нарисованным веселым лососем. Только лосось и яйца. Только они.

Предатели. Свидетели моего позора. Моя психологическая травма!

Нет, это я есть была не согласна.

Пришлось спускаться в супермаркет. Заодно решила купить еды домой, потому что в последние дни я на ужин ела исключительно макароны с кетчупом, потому что больше ничего не осталось. Сил, чтобы бегать по магазинам после работы, – тоже.

Запихнув продукты в свой не очень вместительный рюкзак, я расплатилась и пошла по стальным коридорам обратно в офисную часть здания. Когда-то я сравнила его с внутренностями космического корабля и за время работы здесь только сильнее убедилась в точности аналогии – по пути постоянно встречались шлюзовые камеры, где меня просвечивали рамки службы безопасности, коридоры в самом неожиданном месте делились пополам тамбуром из двойных стеклянных дверей, а некоторые проходы были непривычно узкими, словно во всем огромном деловом комплексе вдруг не нашлось лишнего метра пространства.

И только на полпути я спохватилась, что в кармане у меня нет телефона.

Бенефис

Это волшебное чувство, знакомое каждому – ты засовываешь руку в карман, готовясь к ощущению тяжести любимого телефона, а там – пустота. И в эту же пустоту моментально летит сердце, заливаясь от ужаса горячей кровью.

Умножить ощущения на десять, если ты человек, зависимый от Интернета и друзей в соцсетях и мессенджерах.

Умножить на сто, если там в галерее фотографий есть что-нибудь такое.

У меня не было. А вот друзья, соцсети, куча важных заметок и то, да и сам телефон, – в общем, у меня степень ужаса была где-то на уровне умножить на двадцать.

Я остановилась прямо в одном из стальных переходов башни «Федерация» и начала судорожно вспоминать, когда я последний раз видела свой телефон.

И тогда я услышала из глубин рюкзака полузадушенный писк с темой из «Игры Престолов» – я ее поставила на Вадима.

Божечки-кошечки!

В одну секунду я разобрала рюкзак, разложившись на полу на весь проход, схватила свою прелесть и еще к груди прижала!

Я открыла контакты и увидела, что да, Вадим только что мне звонил. Но еще за пять минут до того, и за шесть, и за

восемь, и за десять! – ему звонила я. Ну, то есть мой телефон. Наверное, я кинула его в рюкзак вместе с продуктами, и он там внутри разблокировался и принялся названивать моему боссу.

Божечки, позорище какое.

Всегда дико неудобно, когда мой карман кому-то что-то случайно пишет, вступает в паблики Вконтакте или выходит из чатов. А тут и того хуже...

Телефон в моих руках завибрировал и снова взорвался бравурной музыкой.

Вдохнула, выдохнула, ответила.

– Мне звонила твоя колбаса, – мрачно произнесли в трубке.

– Кто?! – Я аж выронила рюкзак из рук. Из него последней точкой в этой дивной сцене выкатился на свой бенефис батон сервелата. Который я действительно купила, чтобы делать бутерброды на работу.

– Она вызвала меня на видеочат и там, освещаемая лишь скудным светом телефона, терлась об экран всей собой.

– Вадим Сергеевич, а порнороманы вы не пробовали писать?

– Яна, ты представь – я сижу на работе с утра, последний раз ел где-то в час на бранче с питерским партнером. Ну как – ел, в основном рассказывал, почему его идеи инноваций – нежизнеспособная с экономической точки зрения хрень. Надо бы пойти поесть или заказать что-нибудь, но все время

кажется, что вот-вот закончу, потом и поеду нормально по-
жру. И тут... твоя... колбаса.

– Да, неловко, – согласилась я.

– И что будем делать?

– Мммм... – я начала собирать продукты в рюкзак.

– Ты просто обязана компенсировать мне нервные клетки.

Поехали вместе поедим?

Ишь ты, уже обязана.

На самом деле – хотелось.

Потому что я была ему до ужаса благодарна. Несмотря на змеюк и прочие неприятности, у меня была теперь любимая работа.

Потому что наша встреча и болтовня у подножия башни, и «Накануне лета», и безумная его квартира – они были таким ярким эпизодом на границе между старой жизнью и новой, который невозможно было забыть. И хотелось еще немного такой радости.

Потому что, хоть я и не собиралась – совсем-совсем не собиралась – ввязываться в служебный роман, мне все-таки хотелось немножко помечтать. Поболтать, посмотреть на его кривую улыбку, ощутить тепло этого бесконечного обаяния. Чутьочку побыть влюбленной. И сумасшедшей.

– А ты дела уже закончил? – спросила я, чтобы потянуть время, подбирая банки с кукурузой и бобами, пакетики майонеза и разбежавшиеся апельсины.

– Мои дела нельзя закончить, их можно только прекратить

делать. Ненадолго – Он вздохнул так тяжело, что ко всем другим чувствам добавилась еще и жалость.

– Прости, я занята сегодня вечером. – Я сжала в ладони апельсин и зачем-то стукнула им об пол, ожидая что он отскочит, как мячик. Он почему-то не отскочил.

– А что ты де... – Вадим осекся, помолчал и снова продолжил, уже веселым голосом: – Тогда оставь колбасу в заложниках.

– Сдается мне, это будет трагическая история... – пробормотала я, подбирая развратную колбасу, предназначенную в жертву. – Хорошо, уломал.

Торжественное вручение колбасы состоялось на пороге офиса. Я добрый человек, поэтому оставила еще и хлеба. А после того, как Вадим продемонстрировал грустные глазки, – сдалась и пожертвовала майонез.

И, все еще улыбаясь, отправилась на свой странный корпоратив.

Корпоратив выживших

Самые дорогие рестораны – на самых высоких этажах башен делового центра. Чем ниже – тем дешевле.

В этом месте чувствуешь себя, как в будущем. В том мрачном киберпанк-будущем, где воздух, солнце и красивые виды достаются только самым богатым.

Выбранный нами ресторан был в нижней половине башни. Сразу как-то понимаешь, какое место займешь в фантастическом мире, если что.

Хотя вид отсюда был тоже неплох.

Мы собрались все – десять человек, как выжившие после кораблекрушения. И выпили, не чокаясь, за безвременно погибший наш корабль.

Тамара Васильевна в семьдесят выглядела лучше, чем я в двадцать восемь. Она знала, что такое хайлайтер, консилер, бронзер и другие страшные слова, и периодически объясняла мне, чем отличается нюд от никса, но я забывала. Сиреневую тушь тоже она мне подарила, несмотря на то, что сама носила безупречно уложенные парики, костюмы в стиле Жаклин Кеннеди и никогда не приходила в офис в туфлях без каблука.

– Попробовала я с одними поработать, с другими. Все меня стараются перекупить, бонусы предлагают, страховку, бассейн... А не могу. Не могу, и все. Поеду на дачу, клубни-

ку растить и внуков баловать.

– Вы же терпеть не можете возиться в земле? – удивился Игорь, бывший техдир. У нас теперь все – бывшие.

– Буду выращивать клубнику в воздухе. Я видела, можно ее как виноград, на шпалерах, – отбрила Тамара Васильевна, сверкнув глазами. Я как-то сразу посочувствовала внукам, которых тоже начнут как-нибудь очень нестандартно баловать. На шпалерах.

Наш – снова бывший – исполнительный директор и редкостный педант Миша пришел, держа за руку нашу – бывшую! – переводчицу Анечку.

– Когда вы успели? – только и смогла спросить я.

– Да еще так, что мы не заметили, – опасно прищурилась Тамара Васильевна. Уж если она не заметила...

– Мы уже год как вместе, – развел Миша руками.

Более разных людей найти было бы сложно. У Миши даже скрепки и пакетики с чаем лежали по линеечке, а вот Анечка ни разу, ни разу, ни единого раза не пришла на работу вовремя. Зато всегда задерживалась, чтобы закончить срочную работу, а Миша всегда уходил вовремя. Кроме...

Ну да, последних месяцев существования компании.

Судя по лицу Тамары Васильевны, она тоже поняла, где прокололась.

– Анечка беременна, а я... – Миша снова развел руками. – Зашел на собеседование в купившую нас «Небыюлу», но мне не понравилась атмосфера. И тут я вспомнил про старое хоб-

би...

Пока коллеги ужасались тому, что интеллеktуал Миша занялся изготовлением мебели вручную, я задумалась о том, что его мнению всегда можно было доверять. И уж если он говорит, что с атмосферой швах, значит, мне вообще без шансов наладить отношения со змеюшником.

Дизайнер Марина повздыхала и тоже призналась, что за прошедшие месяцы поработала уже в трех разных компаниях, но нигде не прижилась.

Мы переглядывались понимающе. У нас была команда мечты...

– А представляете, как было бы здорово переходить на новый проект всем составом... – мечтательно протянул Игорь. Он последний признался в том, что нигде не нашел себе места и уже прошел два собеседования в австралийской компании. Это был рекорд, так далеко искать счастья еще никто из нас не ушел.

– Если бы у этого Романова были бы мозги, он бы нас всем составом и забрал. – Вот я бы не советовала Вадиму встречаться в узких коридорах башни «Федерация» с нашей суровой бухгалтершей.

– Ну что ты хочешь, это современный российский бизнес – продать вагон водки, деньги пропить. Все они держатся только на откатах, а не на мозгах.

– Не только на мозгах, еще кое на чем, – хихикнула Марина. – Видели вы Инстаграм этого мужика!

– Владельца холдинга? – вдруг проявила интерес Анечка. Миша недовольно покосился на нее. Это он еще Инстаграм не видел! Ой, что будет!

– Да, Вадим Романов. Хотите найду? – Марина принялась искать что-то в телефоне.

Я делала вид, что мне совсем-совсем неинтересно. Я ем свой грибной жульен, нам с ним очень хорошо, так хорошо, что совершенно не хочется смотреть на сероглазых брюнетов в игривых позах. Что я там не видела? Сама и постила!

Вообще-то я хотела признаться, где работаю, но сейчас был немного не тот момент. Прямо совсем не тот.

– Вот! – Марина повернула телефон, и все увидели позавчерашний пост, где я поставила фото Вадима, опершегося на стол – руки в карманах, и брюки из-за этого обтягивают задницу так... в общем, пост про финансовые риски международных холдингов стал самым популярным в тот день. Вот и бывшие коллеги оценили.

– Да, красивый мальчик, – это Тамара Васильевна. – Но наверняка глупенький.

– Он же рулит холдингом, как он может быть глупеньким? – похлопала глазами Анечка. Миша помрачнел.

– Ой, а то мы все не знаем, как подобные компании создаются, – скривилась Тамара Васильевна. – Тогда украл, сейчас нанял толковых спецов, вот и весь успех.

– Мы просто завидуем, что эти спецы не мы.

– Этому тоже. Но быть честным и умным сложнее, чем

красивым вором, – подытожила Тамара Васильевна, а я молча уткнулась в свой бокал вина.

За Вадима было немного обидно – я видела, как он работает. Но, с другой стороны, я и правда не знала, как он стал миллионером. Вдруг они правы?

К счастью, скоро разговоры перешли на детей и внуков, на то, кто куда съездил в отпуск, на планы провести следующий странный корпоратив у Игоря в Австралии, и дальше покатилося по нашим обычным сценариям корпоративов.

Я старалась много не пить, потому что внезапно оказалась единственной работающей с девяти утра, но все равно бокал за бокалом – и вот уже в ушах приятно шумит, за окном офигенные виды, и я всех так люблю, даже когда Миша с Игорем опять рвут друг другу глотки из-за того, какая рисовка в аниме лучше.

Расходились не то чтобы поздно, но ресторан уже закрывался. Я обнималась со всеми по очереди и никак не могла их отпустить. И даже немножко всплакнула – я бы лучше тоже в Австралию к ядовитым паукам и крокодилам поехала, чем завтра на работу к Розалине с Элеонорой.

Была мысль по пути заглянуть в офис, посмотреть, голодает ли Вадим все еще на работе, но я себя одернула – я умная девочка, а это будет просто феерический провал. И сдача всех позиций. И вообще, я же решила, что никаких служебных романов, а там, в темноте опен-спейса, подсвеченной разноцветными огнями окон небоскребов, может та-

иться что-то, с чем я совсем не хочу встречаться.

Но судьба решила посмеяться над моими зароками. Изощренно и зло, как она это умеет.

Я уже вышла из здания, по привычке отошла подальше и обернулась, чтобы посмотреть мое ежевечернее звездное небо...

Рядом со входом затормозил «Порше кайенн». Мне бы отвернуться и дальше идти к метро, мало ли «Кайеннов» вокруг делового центра ездит, но я замерла и продолжила смотреть. Себе на беду.

И конечно, была «вознаграждена» – машина повернула, яркий свет фонарей упал на лицо водителя, и я узнала Вадима. Потому что, кого еще ты можешь встретить, выходя пьяной с дружеской встречи, где все его обхаивали? Это все равно что выйти с грязной головой в магазин – шансы встретить школьную любовь вырастают в десять раз.

Отсвет фонаря скользнул дальше – и на пассажирском сиденье блеснула медь волос, белая кожа, знакомый профиль.

Значит, когда я отказалась ехать с ним в ресторан, он пригласил Лизу. Ну а чего одному-то жрать, правда? Колбаса ему компанию, небось, недолго составляла.

Машина нырнула в подземный гараж, а я подняла голову к засвеченному огнями небу и немного поморгала, чтобы слезы не вытекли из глаз. Нет слез на щеках – не считается.

И нет, совсем не обидно.

Защищать его еще, козла, собиралась, дура такая.

Не в офис же он сейчас Лизу повез, правда? В двенадцать-то ночи.

Инстаграм

Меньше всего мне сегодня хотелось видеть Вадима. Я была просто счастлива, что он сидит там, на своем Олимпе, и почти никогда не спускается к простым смертным. Сегодня у меня в планах было сидеть в своем углу, огрызаясь на всех, кто ко мне лезет, и молча заниматься работой. Например, написать модераторам форумов, в чем они не правы. Пусть в следующий раз вздрагивают при виде моего имени в мессенджере.

Но все сразу пошло не по плану.

Сначала этот стаканчик с кофе у меня на столе. С надписью «Яна» с сердечком. И коробочка с двумя эклерами. Не задумываясь, я уронила в мусорное ведро и то, и другое. Лизе пусть носит.

И нет, не ревную. Пусть ему Лиза колбасу оставляет.

Потом я обнаружила, что очередь постов в Инстаграм как раз закончилась и надо придумывать новые. То есть подбирать фотографии и писать подводки, а это значит – весь день смотреть на Вадима в разных видах и как-то умудриться не пририсовывать ему усы и рога. Хотя уверена, что подписчики были бы в восторге.

Но когда я полезла в папку с запасом фотографий, оказалось, что за время своей работы я уже почти все потратила. И понятия не имею, что делать – повторяться было бы

непрофессионально. А где пополнять запасы?

Вздохнула и пошла по лесенке вверх. Кому Олимп, кому Голгофа.

На Лизу, которая сегодня выглядела восхитительно, я даже не злилась. На нее вообще невозможно было злиться, такая она была светлая и нежная. На месте Вадима я бы тоже лечила укусы сиреневых тварей прикосновениями таких нежных рук.

Сам он стоял, оперевшись на стол, и что-то ворковал Лизе на ушко. Должно быть, рассказывал, какие документы надо подготовить к совещанию, или диктовал расписание деловых встреч. Ведь именно от этого прекрасные девушки с прозрачной кожей заливаются нежным румянцем, я не ошибаюсь?

Увидев меня, он выпрямился и включил обаяние на двести процентов:

– Если ты за колбасой, то у меня ее нет. Не знаю, где. Ушла погулять и не вернулась. Я хотел повесить объявления, но в типографии отказались их печатать.

Мрачно зыркнула на него и не поддержала шутливый тон:

– Вадим, кто занимался Инстаграмом? Мне нужны для него новые материалы.

– Лиза? – Как настоящий руководитель, он тут же перевел стрелки. И прожектор харизмы тоже перевел. И снова склонился к ней.

– Фотографии делала я, тексты писали...

– Про тексты я знаю, – я оборвала ее чуть резче, чем следовало бы. – Мне нужны еще фотографии.

– Я могу заняться. – Лиза открыла шкаф и достала вполне профессиональную зеркалку.

– Отдай фотоаппарат Яне, теперь это ее обязанность, – снова перевел стрелки Вадим.

– Но я... – Приятная тяжесть упала в ладони, и даже пальцы дернулись, как захотелось поснимать хорошей камерой. – У меня работа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.